

Е. В. ТОНКОВ

БУДНИ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ
(ЗАПИСКИ ДИРЕКТОРА)

Белгород 2013

ББК 74.247.102

Т 57

Тонков Е.В. Будни сельской школы (записки директора). – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 116 с.

ISBN 978-5-9571-0685-2

Предлагаемая книга – это не просто воспоминания, но и история сельской школы 50-60-х годов XX века. На опыте своей работы директором сельских школ различного уровня – от семилетки до средней общеобразовательной школы в районном центре – автор показывает, как выдвижение перед школьниками целостной системы перспективных линий способствует формированию нравственных качеств личности и ученического коллектива, организует повседневную жизнь и деятельность обучаемых, направляет их на приближение лучшего завтрашнего дня. Теоретический материал, сопровождающий экспериментальную работу, служит основой для понимания механизма продвижения воспитанности школьников.

Книга адресована руководителям школ, учителям, воспитателям, студентам педагогических специальностей и направлений.

ББК 74.247.102

ISBN 978-5-9571-0685-2

Тонков Е.В. 2013 ©

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	4
Предисловие	8
Глава 1. НАЧАЛО	10
Глава 2. СОЛНЦЕ-ДУБРАВО	14
Глава 3. СТУПИНО	38
Глава 4. ЗАВЕДУЮЩИЙ РАЙОНО	47
Глава 5. АСПИРАНТУРА	57
Глава 6. НОВАЯ УСМАНЬ	61
Глава 7. ЗАЩИТА	94
Глава 8. ПРОЩАЙ, ШКОЛА!	104
Эпилог	110

Об авторе

Евгений Вячеславович Тонков родился 10 сентября 1933 года в городе Архангельске. Его отец в то время был директором Северного краевого музея, преподавал в местном педагогическом институте, а мать работала учительницей. В 1936 году семья переехала в г. Воронеж. Евгений Вячеславович относится к той когорте людей, которых принято называть «дети войны». На его долю выпало детство военное и послевоенное, холодное и голодное. Когда 1 сентября 1941 года он пошел в 1 класс, его сопровождал жутко завывающий сигнал воздушной тревоги. Во время авианалетов фашистских бомбардировщиков учеников часто уводили в бомбоубежище, которое находилось под зданием школы.

В ноябре 1941 года он вместе с матерью и младшей сестрой был эвакуирован в г. Бийск Алтайского края. В дороге эшелон сразу начали бомбить, паровоз тревожно гудел, шел то быстро, то медленно, то резко тормозил, и все, что было в «теплушке», разлеталось в разные стороны. До Бийска поезд шел целый месяц, постоянно пропуская «литерные» составы с вооружением и техникой. Когда жили в Бийске, в ученических сумках школьники вместе с книжками и тетрадями носили железную миску и ложку. На большой перемене учительница приносила ведро с супом и разливала по мискам. К супу полагался маленький кусочек хлеба. Если кто-то из учеников болел, учительница разносила хлеб по домам. Мать работала на швейной фабрике – шила форму для бойцов. Дома дети ждали ее с нетерпением, так как она всегда

приносила 200 г кровяной колбасы, которую работницам фабрики давали на обед.

Только 10 сентября 1944 года они возвратились в разрушенный врагом Воронеж, где в 1952 году Е.В. Тонков окончил мужскую среднюю школу № 2, а в 1956 – окончил исторический факультет Воронежского государственного университета.

В профессиональном самоопределении Е.В. Тонкова большую роль сыграл отец, Вячеслав Алексеевич Тонков, который свыше 20 лет являлся деканом историко-филологического факультета Воронежского государственного педагогического института, заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы, был профессором, доктором филологических наук, заслуженным деятелем науки РСФСР, членом Союза писателей СССР.

После окончания университета Е.В.Тонков на протяжении 10 лет работал директором сельских школ Воронежской области, заведовал Березовским районным отделом народного образования. Работая директором Новоусманской средней школы Воронежской области и являясь одновременно аспирантом кафедры педагогики и психологии Воронежского педагогического института, в 1967 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.

С 1968 г. работал в Белгородском государственном педагогическом институте (с 1996 г. – университет), где прошел путь от старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии до заведующего кафедрой. С марта 1970 г. – проректор по заочному обучению, а позже – проректор по учебной работе. С 1978 г. по 2001 г. Е.В. Тонков являлся первым проректором по научной работе, а затем, до выхода в декабре 2012 года на заслуженный отдых – советником ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета.

На протяжении 42-х лет Е.В. Тонков читал курс лекций по педагогике для студентов. Его учебные пособия «Основы педагогики», «Педагогика образования» успешно внедрены в образовательный процесс. Им опубликованы

три монографии, пятнадцать учебных пособий, свыше 100 научных статей и материалов конференций. Под его редакцией издано 15 тематических межвузовских сборников.

На монографии Е.В. Тонкова были напечатаны положительные рецензии в журналах «Советская педагогика» и «Народное образование», «Учительской газете». Авторами данных отзывов были известные отечественные педагоги В.А. Слостенин, В.А. Зосимовский, В.Н. Косолапов, Л.И. Рувинский и др. Е.В. Тонков читал лекции по проблемам воспитания в Высших педагогических школах г. Ополе (Польша) и г. Гюстров (Германия). Этими вузами опубликованы его учебные пособия и статьи на польском и немецком языках. Под научным руководством Е.В. Тонкова успешно защищено 9 кандидатских диссертаций.

Е.В. Тонкова знают в России как пропагандиста педагогических идей. Большой вклад он внес в теоретическое обоснование и становление школьных комплексов на Белгородчине. Свыше 30 лет возглавлял Белгородское областное отделение Педагогического общества России, был председателем Белгородской городской организации общества «Знание». Участвовал в работе V – VII съездов Педагогического общества России, VII съезда Всесоюзного общества «Знание». По проблемам образования неоднократно выступал на страницах журнала «Советская педагогика», в «Учительской газете» и «Белгородской правде».

В 1991 году за заслуги в образовании ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». В 1993 г. Министерство образования Российской Федерации присвоило ему ученое звание профессора кафедры педагогики. За доблестный труд Е.В. Тонков награжден знаками «Отличник народного просвещения», «Отличник просвещения СССР», «За отличные успехи в работе», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью К.Д. Ушинского, медалью «За заслуги перед Землей Белгородской» II степени.

В 2001 году Евгений Вячеславович Тонков стал одним из первых Почетных профессоров Белгородского государственного университета. Его деятельность нашла отражение в «Белгородской энциклопедии» (Белгород – 2000 г.), и «Воронежской историко-культурной энциклопедии» (Воронеж – 2006 г.).

***П.Г. Коняев,
Председатель Совета ветеранов
Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
ветеран Великой Отечественной войны,
заслуженный работник высшей школы РФ***

ПРЕДИСЛОВИЕ

С автором этой книги, Евгением Вячеславовичем Тонковым, я знаком более сорока лет. Особенно плодотворным и наиболее тесным наше сотрудничество было во время проводившегося в 80-е годы прошлого века на Белгородчине эксперимента по развитию на селе учебно-воспитательных школ-комплексов. Евгений Вячеславович работал проректором по научной работе в Белгородском государственном педагогическом институте и отвечал за научно-исследовательскую часть проекта, а на мне, как на заведующем областным отделом народного образования, лежала ответственность за его организационное обеспечение.

С Евгением Вячеславовичем было работать приятно и легко, потому что он сам досконально знал школьную жизнь, посвятив первые десять лет своей трудовой биографии сельской школе. Именно этот отрезок жизненного пути и получил отражение в предлагаемой книге.

Думаю, что и мои коллеги по педагогической деятельности, и будущие учителя прочтут эти записки с интересом, окунувшись в реальные будни сельской школы полувековой давности, когда образовательные учреждения в сельской местности были мощным социальным центром притяжения, ядром культурной, духовной жизни местного населения.

Отрадно и то, что автор книги, тогда молодой директор школы, несмотря на бытовые неурядицы, всегда старался вносить в свою работу креативное начало, активно использовал знаменитую «макаренковскую» систему перспективных линий в воспитании.

Показывается, как постепенно, от опыта в малокомплектной школе, едва насчитывавшей 60 учеников и 7 учителей, автор переходит к экспериментальной работе в районной средней школе, включив в нее весь коллектив, состоявший уже из почти 1000 учащихся и 60 педагогов.

В книге подробно, на выразительных примерах, представлена вся жизнь сельской школы 50-60-х гг., ее скромный быт. Современным учителям инте-

ресно будет узнать, что еще и пятьдесят лет назад «лампочки Ильича» светили далеко не во всех селах, а учебные занятия проходили при керосиновой лампе.

Особенно трогательны эпизоды организации новогодней елки для школьников, которые впервые увидели праздничную гирлянду, привезенную автором из областного центра, и радостно, с ощущением настоящего чуда, уносили домой нехитрые подарки. Прочитав эти строки о прошлом, может быть, мы гораздо больше станем ценить свое настоящее.

В предлагаемых читателю записках, названных «Будни сельской школы», ярко просматривается вся школьная жизнь, формирование нравственного климата ученического и учительского коллективов, которые, по образному выражению автора, «стали вращаться на одной орбите».

Примечателен и тот факт, что, вспоминая о встречах с вице-президентами Академии педагогических наук СССР Ю.К. Бабанским и А.Г. Хрипковой, автор оправданно делает экскурс в более позднее время, когда он уже был проректором по научной работе Белгородского государственного педагогического института и совместно с областным отделом народного образования, которым я тогда руководил, занимался опытно-экспериментальной работой по развитию учебно-воспитательных школ-комплексов.

Книга содержит мощный воспитательный заряд, она убедительно показывает потенциальные возможности сельских школ в организации жизнедеятельности молодого поколения, дает наглядные примеры того, как надо трудиться и жить.

***И.С. Соловецкий,
Почетный гражданин Белгородской области,
заслуженный учитель школы РСФСР.***

ГЛАВА 1. НАЧАЛО

В июле 1956 года мы с моей супругой Олей получили дипломы об окончании исторического факультета Воронежского государственного университета. А до этого было распределение – обязательное, и не только в свой регион, а по всей стране. Вначале мы записались в Новосибирскую область, но оттуда пришел ответ: двух историков учебной нагрузкой не обеспечат.

Так мы оказались в распоряжении Воронежского областного отдела народного образования («облоно», как тогда принято было сокращать это длинное наименование). Жили мы в квартире моих родителей, Вячеслава Алексеевича и Марии Ефимовны, достаточно приличной по тем временам (три жилые комнаты, ванная комната с окном, газ, горячая вода), в доме преподавателей рядом с педагогическим институтом, в котором мой отец работал деканом историко-филологического факультета. Дом был построен в 1949 году.

Отец родился в 1903 году в Казани. Его родители, Алексей Иосифович и Юлия Евстафьевна, проживали в Арской слободе. О них я знаю мало. Алексей Иосифович работал мелким чиновником в Казанском банке, а Юлия Евстафьевна воспитывала четверых детей. Отец учился в гимназии, причем только на «отлично», но, по рассказам, был очень юрким и непоседливым гимназистом по кличке, почему-то, «Ветка».

В Казани отец окончил литературно-лингвистическое отделение Восточного педагогического института, в 20-е годы работал там же воспитателем детского дома, преподавателем естественной истории и обществознания Политехнической школы им. Мюнценберга, заведовал училищем морально-дефективных детей Татарского народного комиссариата просвещения. На основе общения со спецконтингентом опубликовал ставшую сегодня раритетом книгу «Опыт исследования воровского жаргона» (в интернет-магазине ее стоимость составляет 30 тыс. руб.).

В 1929 г. уехал в Архангельск, где работал директором Северного краевого музея и занимался ненецким фольклором, лучшие образцы которого он собирал, неустанно путешествуя по Канинской тундре, Мезенскому краю, островам Новой Земли. Входил в состав редколлегии краевого журнала «Звезда Севера». Широкую известность уже в те годы получили изданные им «Ненецкие сказки», записанные лично со слов легендарного аборигена Тыко Вылки – председателя Ненецкого округа Новоземельских островов. В эти же годы отец публикует «Сказки народов Севера» на ненецком языке, «Свадебные песни и обряды города Мезени», которые приносят ему известность в литературных кругах.

В Воронеж отец приехал в 1936 году уже семейным человеком, с женой Марией Ефимовной и двумя детьми. Увлёкся изучением литературного наследия воронежских поэтов А.В. Кольцова и И.С. Никитина и впоследствии по творчеству А.В. Кольцова защитил докторскую диссертацию. Работал директором Воронежского литературного музея им. И.С. Никитина. Его книга «Никитин и народное творчество», ставшая результатом исследования по кандидатской диссертации, во многом по-новому осветила путь сложных исканий поэта, вскрыла подлинно народный характер его выдающегося наследия.

С первых дней Великой Отечественной войны отец находился в рядах 1-го Воронежского рабочего отряда народного ополчения (боец 2-го взвода 5-ой роты 2-го батальона – удостоверение № 27). В октябре 1941 г., в самые трагические дни для страны, вступил в ряды Коммунистической партии. Едва Воронеж освободили от фашистов, вновь вернулся к любимому делу. У меня сохранился пригласительный билет на организованный отцом городской юбилейный вечер, посвященный жизни и творчеству воронежских поэтов-патриотов И.С. Никитина и А.В. Кольцова. Этот вечер состоялся в помещении клуба Ворошиловского района 13 октября 1944 года.

Отец был прекрасным лектором, великолепно читал стихи. На его лекции приходили студенты и преподаватели с других факультетов. Дружил с

известными поэтами и писателями М. Исаковским, С. Михалковым, Н. Рыленковым, А. Твардовским, Г. Троепольским, письма и книги которых хранятся в нашем домашнем архиве. Был отмечен многими правительственными наградами, среди которых и одна из высших - орден Ленина.

В общем, все пути-дороги перед нами были открыты. Однажды я встретил во дворе дома ректора педагогического института Леонида Николаевича Талова, с которым был хорошо знаком – были соседями.

Ректор спросил:

– Где собираетесь работать?

– Да вот, ждем распределения из облоно.

– Иди к нам на работу, ты же учился отлично!

– А жить где?

– Квартиру снимешь или дам комнату в общежитии.

Такие варианты меня не устраивали, да и в квартире отца было тесновато. Хотя квартира была трехкомнатная, но в ней жили отец, мать, ее родители, вернувшиеся из ссылки, моя сестра Светлана – студентка пединститута. Нет, для меня такое предложение не подходило, тем более, что мы стремились к самостоятельной жизни.

Решено – поеду в деревню. Хотя сам я – городской житель и о деревне имел весьма смутное представление. Два раза ездил на велосипеде к тетке по линии матери Антонине Ефимовне Полторацкой километров за 60 в село Хлевное Липецкой области, где она была директором семилетней школы. Когда был студентом, направляли в село убирать картошку (даже всем студентам выписали «Трудовые книжки колхозников» с указанием количества заработанных трудодней за 1 месяц). Еще смотрел фильмы о селе: «Учитель», «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки». На этом мои познания о жизни в деревне заканчивались. Впрочем, моя супруга Оля до поступления в университет жила в селе, где ее отец, Николай Тихонович Гребенников, работал секретарем райкома партии. К сожалению, он очень рано ушел из жиз-

ни – в возрасте 52 лет, и к моменту нашего распределения его уже не было на этом свете.

Наконец, нам дали направление в распоряжение Березовского районного отдела народного образования (центр пос. Рамонь). Пошел на автобусную остановку и через час с небольшим был в Рамони. В центре поселка нашел небольшое здание районо. Встретил меня уже пожилой, с хитрым прищуром человек – оказался заведующим районо со странной фамилией Салата. Посмотрел наши дипломы, покачал головой – два историка.

– А ты партийный?

– Да, член партии (партия тогда была одна - коммунистическая).

– Директором семилетней школы пойдешь?

– Пойду.

– Дмитрий Васильевич, – кивнул инспектору, – пиши приказ. А по учебной нагрузке жене сам на месте разберешься.

Заведующий рассказал, как добраться до села Солнце-Дубраво, мы попрощались, и я сразу отправился к месту работы.

ГЛАВА 2. СОЛНЦЕ-ДУБРАВО

Проехав на «попутке» 8-10 км по Задонскому шоссе, я поблагодарил водителя и пошел в обратную сторону от Воронежа. Миновал деревню Галкино и через пару километров свернул на проселочную дорогу по указателю на Солнце-Дубраво. Метров через 700 показалось село и школа – одноэтажная, из красного кирпича. Такие земские школы строились в дореволюционной России. В школе меня поджидали бывший директор школы и техническая служащая, попросту – техничка. Директор школы уже переехал на новое место жительства и только ждал, кому бы сдать школу. Техничку послали за председателем сельского совета, и он вскоре прибыл на своей не очень резвой лошадке.

Школа состояла из пяти комнат, имела крошечную учительскую и жилье для директора школы три на пять метров. Во дворе стоял сарай под соломенной крышей для топлива. Школьный двор полностью огорожен не был, поэтому на нем паслись телята. Рядом со школой когда-то была церковь, но от нее в результате борьбы с религией остались только развалины и кладбище. Метрах в сорока от школы, на пустыре, стоял ветряк, который, как крыльями, стучал своими железными лопастями – качал воду.

Сдавать и принимать в школе фактически было нечего. Печать, штамп, малокалиберная винтовка, бачок для питья, ряд учебных пособий по физике и химии, несколько потрепанных карт по истории и географии, напольные счеты, восемь керосиновых ламп. Электричества в селе не было. Передача имущества и написание акта заняли минут тридцать, после чего мой предшественник поспешил удалиться. С председателем совета, на мой взгляд, достаточно пожилым, лет пятидесяти, мужчиной с приветливой улыбкой, мы прошли по школе. К новому учебному году она была не готова.

– Не было средств, плохо поступал подоходный налог, – пояснил председатель. – Но сейчас могу немного денег дать.

Договорились, что я поеду в Воронеж за женой и вещами и привезу краску, а он в ближайшем совхозе «Комсомолец» найдет маляра. На том и распрощались. Техничка Вера Федоровна уже успела сообщить некоторым селянам о новом директоре. Прибежала учительница Анна Андреевна с одеялом и подушкой – думала, что я буду ночевать в школе. Но я не стал оставаться, а решил ехать в Воронеж.

Уже вечерело. Я вышел на Задонское шоссе и стал голосовать проходящим машинам, в основном, грузовикам. Легковые машины тогда еще были редкостью. Но на мое «голосование» никто не откликнулся. Тогда решил идти пешком, надеясь, что по дороге, может, кто подберет. До Воронежа было 30 км. Мысленно делился сам с собой впечатлениями о школе. Школа малокомплектная – 60 учащихся, вместе с нами – 7 учителей, классы 1-2, 3-4, 5, 6 и 7. В моем лице: и директор школы, и завуч, и завхоз, и бухгалтер. Когда председатель совета спросил, сколько мне лет, я, стесняясь, ответил, что недавно исполнилось двадцать три года. Справлюсь ли?

Так, размышляя, я прошел километров десять, пока меня не подобрал очередной грузовик. Шофер довез меня до трамвайной остановки на окраине Воронежа, я сел на трамвай «единичку» и вскоре был у своего дома. По дороге ко мне привязался котенок, который бежал следом и жалобно мяукал. Пришлось взять с собой. Через день он уже будет первым вступать в наше новое жилище в Солнце-Дубраво.

Дома я рассказал о своем первом дне работы, все были довольны, и мы с Олей стали собираться в дорогу. На следующий день я зашел в хозяйственный магазин и купил 5 банок краски по 5 кг каждая. Отец заказал грузовое такси, и через день, погрузив свое имущество – стол, кровать, велосипед, пачку книг (учебников и исторических, сочинения известных педагогов А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского), мы отправились к новому месту жительства. Так началась самостоятельная жизнь.

С помощью двух учителей начальных классов (остальные жили далеко) я собрал учеников 5-7 классов, проживающих в Солнце-Дубраво (большая

часть проживала в совхозе «Комсомолец» в 4 км), и мы стали выносить парты во двор и красить крышки в светло-зеленый цвет, вместо черного. К тому времени подъехал на велосипеде со своим инструментом маляр Печерский и приступил к работе. До этого я с ним в присутствии председателя сельсовета заключил договор, согласно которому за побелку и покраску школьных помещений мы должны заплатить ему 800 рублей. Это была месячная зарплата директора школы.

Прослышав про нашу работу, стали подъезжать на велосипедах ребята из других мест. Так до начала учебного года мы познакомились с половиной ученического состава. Организовав трудовой процесс, я пошел знакомиться с председателем колхоза им. Мичурина, на землях которого находилась наша школа. Здание правления колхоза находилось в ста метрах от школы. Познакомились, договорились о взаимной помощи. Председатель посоветовал мне посещать заседания правления колхоза, которые проходили по понедельникам в семь утра.

Колхоз охватывал ряд населенных пунктов. Один из них – деревня Гудовка в шести километрах, у самого Дона. Там была крупная молочно-товарная ферма. Я обошел всё село Солнце-Дубраво. Когда-то довольно большое, теперь оно насчитывало не более 50 дворов, разбросанных в два ряда. Крыши домов, в основном, покрыты соломой, в огородах – практически одна картошка, цветов я не увидел. В селе был клуб, магазин, фельдшерский пункт, проведено радио. Заведующая магазином Ксения Степановна – уважаемый в селе человек. На прилавке – консервы, водка, вермут, селедка в бочке. Хлеб завозили редко. В основном, за ним ходили в совхоз «Комсомолец».

Побывал на заседании правления колхоза (бригадиры, заведующие фермами, бухгалтер). Председатель колхоза представил меня собравшимся. Рассматривали вопрос об уборке сахарной свеклы и картофеля.

– Ваша помощь тут тоже понадобится, – кивнул председатель в мою сторону.

Через неделю после начала малярных работ школа посветлела. Был составлен соответствующий акт, и маляр Печерский отправился в сельсовет за деньгами. Получив деньги, он купил в магазине бутылку водки, кило кильки и кило пряников (которые местные почему-то называли «жамками») для детей. Зашел к нам в комнату и предложил выпить за окончание работ. Пришлось для приличия налить и себе рюмку. Так, за разговором, маляр и выпил всю бутылку, а остатки кильки и пряники засунул в авоську. Взявшись за руль велосипеда, он отправился домой. Скорее велосипед вел его, а не он – велосипед. Такая традиция повторялась у нас все четыре года, пока я работал в этой школе.

К этому времени подошли учителя: Валентина Егоровна – по русскому языку и литературе, Ольга Михайловна – по математике и физике, Митрофан Иванович – по биологии, химии, физкультуре, трудовому обучению и рисованию, Анна Андреевна и Мария Алексеевна – учителя начальных классов. Истории было всего шесть часов в неделю, их взял я, а моей супруге достались география, немецкий язык, домоводство и пение.

Состоялось первое заседание педагогического совета. Школу приехал принимать инспектор из районного отдела образования. Прошел по классам, похвалил. Мы угостили его какао, чему он очень удивился. В магазин как раз завезли какао «Золотой ярлык», о назначении которого жители села не имели представления, поэтому спросом оно не пользовалось, и зав. магазином давала его всем в нагрузку.

Из сельсовета принесли телефонограмму: обеспечить явку педагогического коллектива на районное совещание учителей, посвященное началу нового учебного года. Телефоны в селе были только в правлении колхоза и в сельсовете. Аппарат висел на стене, надо было покрутить ручку и назвать ответившей телефонистке номер абонента.

30 августа к 11 часам мы прибыли в районный клуб «Сахарник», где собрались учителя трёх средних школ, десяти семилетних и нескольких начальных. Отчет о работе за год сделал заведующий районным отделом об-

разования Салата. Были и выступления с мест. Представили новых директоров школ, в том числе и меня. В заключение выступил первый секретарь районного комитета Коммунистической партии (по тем временам, главный в районе человек). Некоторым директорам школ и учителям вручили почетные грамоты. Состоялся концерт художественной самодеятельности, выступали, в основном, учителя районной средней школы и сотрудники сахарного завода.

Сахарный завод был одним из старейших не только в области, но и в России. До Октябрьской революции он назывался «Паровая фабрика конфетъ и шоколада», но при Советской власти от «конфектъ» остались только воспоминания, да красивые обертки на бабушкиных сундуках.

1 сентября мы провели общешкольную торжественную линейку. Все пятьдесят семь учеников выстроились на площади перед школой в одну линейку. Казалось, много. Пятеро первоклашек пришли с родителями. Ребята были одеты бедно, но опрятно. Почти все девочки – в белых фартуках, на пионерах – красные галстуки.

Я поздравил коллектив с началом учебного года, поблагодарил поименно учащихся, которые приняли активное участие в подготовке школы. Семиклассница и ученик 1 класса, взявшись за руки, прошли со звонком вдоль строя школьников, родители которых, стоя в сторонке, перешептывались по поводу меня – мол, городской, и совсем молодой ещё директор. Их сомнения чуть позже озвучил один шустрый пятиклассник Чернышов:

– Вот прежний директор – это был директор. И корова у него была, и поросенок, и куры. А у этих, кроме кошки, да птичек в клетке, ничего и нет.

Я действительно привез с собой из города чижика и пару голубей. Голуби были моим страстным увлечением с подросткового возраста. Во дворе нашего дома в Воронеже были сараи с погребом. Один из них принадлежал нам. Над дверью сарая я пробил отверстие, сделал косяк и внутри повесил ящик с полками. Жилье для голубей было готово. Держал я не больше трех

пар, но довольно редкой породы – «полтавских», которые мало летали, кругами, а набрав высоту, порхали на одном месте.

Вспоминается такой случай. В 1948 году, незадолго до 70-летия И.В. Сталина, во всех организациях, по законам жанра того времени, проходили торжественные собрания, митинги, готовились подарки вождю. Я узнал, что в педагогическом институте, недалеко от которого мы жили на улице Ленина, будет проходить торжественная лекция на филологическом факультете, после которой студенты выпустят 30 голубей. На лапках у голубей были привязаны ленточки с адресом: Москва, Кремль, Сталину. Я и два моих товарища залезли на крышу пединститута и стали наблюдать за ходом мероприятия. Когда заиграл оркестр, все захлопали и выпустили голубей, которые должны были передать привет вождю.

Дело шло к вечеру, небо хмурилось, и голуби не захотели лететь в сторону Москвы, а сели на крышу. Ловить их нам было довольно легко. На следующий день с одним из голубей я отправился на Птичий рынок. В руках у меня был белый голубь с курносом носом и мохнатыми лапами. Меня окликнул мужчина в шляпе, рядом с ним была кошелка с голубями. Это был директор пединститута, доцент Алексей Михайлович Сергеев. Он был заядлым голубятником. Я его знал, а он меня, конечно, нет. Взял в руки моего голубя, стали торговаться. Наконец, сошлись. Он дал мне «полтавского» голубя и один рубль в придачу. На рубль в те годы можно было купить десяток яиц.

Что-то увлекся я голубями, перейдем к прозе жизни. Итак, учебный процесс в моей школе был начат. Каждый занимался своим делом в соответствии с расписанием. У всех была ставка – 18 часов. Правда, у математика Ольги Михайловны – 24 часа. Она считалась богачкой, получала 800 рублей. На педагогическом совете я предупредил, что все учителя должны иметь поурочные планы и конспекты уроков. Без них допускать к уроку не буду. В университете большое внимание уделялось профессиональной подготовке: на 3 и 4 курсах мы проходили солидную педагогическую практику в школах г. Воронежа, и это мне очень пригодилось.

В университете я был образцово-показательным студентом – и в учебе, и в общественной жизни, и в спорте. Учился только на «отлично», чего не скажешь о моей учебе в школе. Помню, как в 9 классе должна была быть контрольная по математике. Я решил заменить её походом в кинотеатр «Пролетарий» на фильм «Не в свои сани не садись» по А.Н. Островскому. Тогда были распространены экранизации пьес, обычно в 2-х сериях. Была зима, я в пальто сидел у батареи. На протяжении четырех часов на экране две бабки вели скучные разговоры. Было очень душно, я еле досидел. Подумал, что уж лучше бы пошел в школу. Зато любимым предметом была история. Я читал много исторических книг, всегда дополнял из них свои ответы. По истории у меня была безоговорочная «пятерка». Преподавал историю завуч школы Петр Федорович Фенота, который всегда меня хвалил, в отличие от других учителей. Видимо, любовь к истории и учителю определила мой выбор – идти на исторический факультет, хотя я никогда не связывал свой выбор с профессией учителя.

Моя жена Оля, наоборот, в школе была круглой отличницей. Вот я ей и поручил вести географию и немецкий!

С первых дней стал проявлять свою активность учитель Митрофан Иванович Анохин, 35 лет, с образованием биофака учительского института. Проживал он в с. Березовское в 9 км от школы и каждый день проделывал путь туда и обратно в любую погоду. Он стал облагораживать школьный двор, огородил его, договорился с лесником и посадил вдоль забора сосенки. Привел в порядок пришкольный участок и помог строить географическую площадку. Но через некоторое время вежливый и исполнительный Митрофан Иванович стал пропускать учебные занятия, причем сразу по 4-5 дней подряд. И свои пропуски объяснял самыми различными причинами. Оказалось, что он алкоголик, хотя в школе я его никогда пьяным не видел. Уроки труда и физкультуры я заменял сам, а вот биологию и химию провести вместо него уже никто не мог. В районный отдел образования я об этом не сообщал и продолжал вести с Митрофаном Ивановичем профилактические беседы.

В конце концов, дошло до того, что он, находясь в Воронеже, зашел к моим родителям и попросил денег взаймы на похороны своей матери (ну как тут отказать!), хотя на самом деле его мать была жива и здорова. Через два с половиной года я все же попросил Митрофана Ивановича написать заявление об уходе.

Алкоголизм некоторые считают страшной болезнью, подобной раку, другие – распушенностью и слабоволием, социальной безответственностью. Врачи пишут тысячи диссертаций, но мало кто берется за эту проблему, а если и берется, то дальше теоретических рассуждений дело не идет.

Через двадцать лет, в 1976 году, когда я уже работал проректором по учебной работе Белгородского государственного педагогического института, к нам домой неожиданно пришел Митрофан Иванович. Я предложил ему выпить за нашу встречу, но он категорически отказался. Сказал, что более десяти лет вообще не пьет. Поэтому посидели за чашкой чая, вспомнили молодые годы. Приехал Митрофан Иванович, словно прощаться. Через несколько месяцев его не стало, а ведь было ему не больше 55 лет.

Подготовка к учебному году, как оказалось, не заканчивается ремонтом школы. Одна из важных проблем – заготовка топлива для школьных печей. В селе, как и в школе, топили, в основном, торфом. Районо составлял график, и в школы по этому графику завозили торф. В районе было торфяное предприятие и приписанные к нему грузовые машины. К концу сентября торф был у нас уже во дворе.

За дровами на растопку мы сами ездили в лесничество. Там по разнарядке отпускали сухостой. С приходом отопительного сезона работы прибавилось. Техничка стала приходиться в шесть утра – надо было наколоть торфа и дров, растопить три печи. Колкой торфа и дров для обогрева своей комнаты я занимался сам.

Как-то на одном из заседаний правления колхоза председатель Василий Яковлевич попросил меня, чтобы школьники помогли убирать картофель, шел конец сентября. Я предложил ему самому обратиться к ребятам на ли-

нейке, у нас по пятницам стало традицией подводить так итоги недели. Призыв председателя колхоза был принят школьниками «на ура». Договорились первые три дня недели посвятить картошке. На работу вышли строем с пионерским знаменем и барабаном. Сорок учеников 5-7 классов, 5 учителей – на колхозников это произвело впечатление. Выпаханный картофель собирали ведрами в большие кучи. В перерыве нам подвезли хлеб и молоко. Трудились 6 часов. Подъехал председатель – похвалил.

Я читал и конспектировал многие произведения выдающихся педагогов А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского, поэтому в организации общественно-полезного труда и организации учебного процесса следовал их рекомендациям. Дети на уборке картофеля работали вместе с учителями. Затем подводили итоги труда, какое из звеньев собрало больше ведер. Лучшему звену вручался вымпел, и борьба за право получить вымпел велась нешуточная.

В основу организации трудовой деятельности я положил тезис А.С. Макаренко о перспективе. Перспектива – это радость завтрашнего дня, к которой устремлены все усилия и помыслы человека. Перспективы бывают ближние, средние, далекие, а также личные, групповые, коллективные. Перспективы должны присутствовать в жизни каждого человека, иначе она будет скучной и безрадостной.

Не успели отдышаться от трехдневной работы в поле, а из районо пришла телефонограмма: в целях оказания помощи в уборке сельскохозяйственных культур занятия в 5-7 классах отменить с 1 по 5 октября. Пошел к председателю, показал телефонограмму.

– А я знаю, – говорит он. – Это мы просили секретаря райкома партии.

– Одним приказом здесь не поможешь, – отвечаю. – Родители могут воспротивиться, да и дети не все придут. Нужна перспектива! Вы Макаренко читали?

– Не приходилось...

Я рассказал председателю о сущности перспективы.

– Во-первых, – говорю, – нужно пообещать детям, что весной дадите машину свозить ребят в Воронеж, в цирк. Но это коллективная отдаленная перспектива для всех. А во-вторых, необходима личная ближняя перспектива для каждого, например, оплата труда. Вот тогда предстоящая работа будет окрашена радостью завтрашнего дня, и все активно будут работать, да и родители не будут возражать.

– А ты молодой, да хитрый, – прищурился председатель.

– Да нет, просто надо знать психологию личности, есть такая наука. Советую объявить о празднике урожая, приурочив инициативу ко дню Октябрьской революции (был такой всенародный праздник, отмечался 7 ноября). На празднике подвести итоги, наградить передовиков почетными грамотами и премиями, выдать зарплату и произвести расчет за трудодни (заработную плату тогда в колхозе получали не все – только руководство, заведующие фермами, бригадиры и доярки, хотя вовремя ее никогда не платили). Вот вам и будет перспектива ожидания лучшего завтрашнего дня!

Меня как-то спросил заведующий молочно-товарной фермой, сколько мой отец получает. Он, напомним, был деканом факультета в педагогическом институте и получал огромную по тем временам зарплату – четыре тысячи рублей.

– Да куда же он такие деньжищи деваает? – изумился заведующий фермой, зарплата которого была около 500 рублей в месяц. Труд в высшем образовательном учреждении тогда на самом деле высоко ценился государством – не только на словах, но и в реальном денежном выражении. Правда, и вузов в стране было значительно меньше.

После нашего разговора председатель восторженно воскликнул:

– А ты стратег! Быть тебе у нас секретарем партийной организации!

И действительно, уже через месяц на отчетном собрании меня избрали секретарем партийной организации колхоза им. Мичурина. На учете в организации состояло 17 членов партии и кандидатов. В партию тогда принимали не сразу, а после прохождения годичного кандидатского стажа.

Перспектива (и школьная, и колхозная) сработала. Школьники работали споро, убирали сахарную свеклу. Колхозники, усвоив свою перспективу, так же проявляли повышенную активность на своих участках. На празднике урожая отличившиеся получили премии. Получили заработанные деньги и школьники. Позже была реализована и отдаленная перспектива – поездка в Воронежский цирк в июне 1957 года, но до этого у ребят было еще много трудовых дней.

Как директор школы и одновременно заведующий учебной частью (завуч), я посещал уроки, делал их анализ, просматривал конспекты уроков и поурочные планы педагогов. С высшим образованием были только мы с женой и учитель русского языка Валентина Егоровна Винокурова, которой нравилось, чтобы ее называли Валентиной Георгиевной. Остальные учителя окончили учительский институт или педагогическое училище.

Как-то прохожу по коридору, слышу шум в одном из классов. Приоткрыл дверь – учитель математики Ольга Михайловна, не обращая внимания на балаган, пишет на доске мелом уравнение, а потом оборачивается к классу и говорит:

– Орите, орите, мне все равно зарплата идет!

Пришлось с ней побеседовать после уроков о миссии школьного учителя.

Было у нас и методическое объединение для учителей начальных классов, в которое входили двое наших педагогов, двое из Буравлянки и четверо из колхоза «Комсомолец». Посещали друг у друга уроки, выступали с докладами, знакомились с новинками методического журнала «Начальная школа». Школа выписывала «Учительскую газету», «Правду» и «Пионерскую правду». Кроме того, каждый учитель был обязан выписывать «Учительскую газету», областную газету «Коммуна» и районную газету. Поэтому наша семья, состоявшая тогда из двух учителей, выписывала две «Учительские газеты», а я, как член партии, выписывал еще и «Правду», хотя ее и так получала школа, т.е. фактически я. Но так тогда было положено. Выписывали и методиче-

ские журналы, в соответствии с теми предметами, которые преподавали. За подписку я отчитывался в районо квитанциями.

Как-то, уже на третьем году работы, я решил направить свою статью в журнал «Преподавание истории в школе», в которой, исходя из своего небольшого опыта работы руководителем сельской школы, доказывал важность не только изложения на уроке нового программного материала, но и основательного его закрепления и даже выставления отметок учащимся за ответы по новому материалу. Месяца через полтора получил обнадеживающий ответ, что статья одобрена и принята к печати, но опубликованной я ее так почему-то и не увидел.

Жили мы тогда довольно голодно, несмотря на все изощрения супруги в приготовлении пищи. За хлебобулочными изделиями я еженедельно ездил в Воронеж. Там же покупал немного колбасы и сыра, иногда 1 кг мяса. Все это упаковывалось в рюкзак, с которым я на попутной машине добирался до Солнце-Дубраво. Первые несколько дней после этого в доме был праздник!

Впрочем, в дни моих вынужденных отъездов жене Оле было страшно, вато одной оставаться на ночь в школе. Однажды ей показалось, что по школе кто-то ходит. Она схватила самое ценное, что у нас тогда было – мой билет члена партии, выскочила в окно и побежала к дому председателя колхоза. Председатель Василий Яковлевич и несколько мужиков с ружьями залегли вокруг школы, но никто не появился. Тогда зашли в школу – все тихо.

Однако после этого случая Оля наотрез отказалась оставаться одна ночью в школе, и мы решили завести собаку. Мой приятель привез из Воронежа взрослого доберман-пинчера, хозяин которого уехал в длительную командировку и попросил отдать пса в хорошие руки. Доберман Джек мог жить только в доме, т.к. на улице замерзал. Был он очень умный и дрессированный. Если кошка занимала его коврик, ходил рядом, скулил, но ее не трогал. А если утром была пора вставать, а мы еще спали, Джек стаскивал с нас одеяло.

Но однажды, в один из редких дней, когда у нас в доме появилось мясо, Оля стала резать его на столе, а я сидел рядом. Вдруг Джек вскочил, его глаза налились кровью, он зарычал и бросился на Олю. Я успел подставить руку, и он схватил меня за кисть. Прокусить руку помешали часы, на которых так и осталась трещина. Я крикнул на Джека, он заскулил и понуро отправился к двери. Однако, после этого мы решили с ним расстаться. Видимо, собаку все же надо брать щенком. Я отдал Джека заведующему фермой в с. Гудовка.

А вскоре знакомый подарил нам месячного щенка немецкой овчарки – черного, с желтыми подпалинами. Назвали мы его Барсом. Он стал для нас настоящим другом, фактически членом семьи и прожил у нас 8 лет. В возрасте трех месяцев он еще не лаял. Чтобы ускорить этот процесс, я стал ему показывать, как это надо делать. Встал перед ним на четвереньки и стал имитировать лай собаки. Барс с удивлением на меня смотрел и, свесив одно ухо, махал хвостом. Но вдруг недалеко от нас сел голубь. Барс бросился за ним и звонко залаял. Нашей радости не было предела!

...Воду мы носили от ветряка – или я двумя ведрами, или Оля на коромысле. С приходом поздней осени, а затем и зимы в нашей комнате, да и во всех классах, стало холодно. Пока горел торф, было еще ничего, но он прогорал очень быстро, и сразу становилось неуютно. По вечерам светлым лучом в нашем захудалом царстве было радио. Я до сих пор радио люблю больше, чем телевизор. В погожие вечерние дни мы с Олей выходили на улицу. В звенящей тишине куда-то за горизонт уходило сияние, где-то далеко урчал трактор и слышались девичьи песни, а вокруг ни души.

Как-то я взял в сельском совете доверенность на тысячу рублей и поехал в Воронеж, в магазин учебных пособий. Набрал учебников, сколько мог унести и прихватил гармошку. Гармошке Оля обрадовалась и уже на следующий день ученики под нее распевали песни. Две семиклассницы (их я хорошо помню и сейчас) – Рая Гайдаренко и Рая Туркова – так замечательно пели на два голоса, будто солистки Воронежского народного хора. Через несколько лет Оля случайно встретила одну из них, Раю Гайдаренко, и та рас-

сказала, что ее приглашали в профессиональный народный коллектив, но она отказалась по семейным обстоятельствам.

Оля организовала школьный хор, который стал выступать во многих близлежащих селах. Вскоре к хору присоединились и молодые колхозницы. Разучивали и довольно сложные вещи, например, «Бухенвальдский набат». С этой песней успешно выступили на смотре художественной самодеятельности. Участие в хоре духовно обогащало ребят, развивало их внутреннюю культуру.

Каждый месяц я ездил в район за получением заработной платы. Но чтобы ее получить, надо было составить платежную ведомость. Меня этому нигде не учили. Раздобыл справочник по начислению заработной платы, просмотрел прежние ведомости и приступил к начислению согласно тарифной сетке. Главный бухгалтер района Надежда Семеновна была строгой.

Видимо, все бухгалтеры такие, – подумал я. Серdito перечеркивала, исправляла мои начисления, приходилось переписывать ведомость не один раз. Но и эту грамоту я вскоре освоил. По выписанному в бухгалтерии чеку я шел в банк и получал заработную плату. Заходил в столовую, в магазин, в котором было практически все то же самое, что и у нас в селе (то есть, ничего), садился на велосипед и отправлялся в свою школу за 12 км.

Раз в месяц проводил совещания заведующий районным отделом образования. На них обычно присутствовали представители многих служб района и выступали со своими указаниями и предложениями. Длелись совещания по 4-5 часов. Я их так возненавидел, что когда сам возглавил районный отдел образования, да и позже, работая проректором Белгородского педагогического института, старался совещания минимизировать или укладываться в короткие сроки.

Повседневную жизнь школы я считал необходимым разнообразить различными мероприятиями: олимпиадами, викторинами, конкурсами. Одно дело – требовать, чтобы в классах было чисто, а другое – организовать интересное соревнование. Нарисовали на плакате самолет, автомобиль, лошадь и

черепаху по вертикали. Обозначили клетки, в которых указали номера классов в соответствии с достижениями. Борьба за чистоту классов развернулась серьезная. Мусор убирали основательно – не только веником, тряпкой, но и руками. Некоторые в соревновательном порыве даже подбрасывали в классы соперников мусор, чтобы добиться лучшего результата.

Комиссия, которая состояла из учащихся и педагогов, подводила итоги каждый день, и на плакате появлялся результат: какой класс соответствует самолету, какой – автомобилю, а какой – черепахе.

Однако упорная борьба за чистоту продолжалась месяца три. Потом все это надоело и стало безразлично, какой класс летит на самолете, а какой ползет на черепахе. Но игра уже сделала свое дело. Дети привыкли содержать классы в чистоте и порядке.

Большое внимание уделялось всеобщему образованию. Перед районом мы ежеквартально отчитывались о текучести контингента – кто выбыл, кто прибыл, по какой причине, кто не посещает школу. Если вдруг такой прогульщик окажется – было настоящее чрезвычайное происшествие! Приходилось устно и письменно отчитываться по каждому такому факту.

Определенное количество средств отпускали на всеобщее образование, т.е. предлагалось оказывать материальную помощь нуждающимся ученикам. Этой работой занимался родительский комитет, который хорошо знал, кто и как живет. Деньгами помощь не оказывали, так как деньги могли потратить на другие нужды или просто пропить. Поэтому покупали вещи – кому телогрейку, кому обувь и выдавали родителям. Помню, один ученик заявил классному руководителю, что в телогрейке ходить не желает, а будет ходить в школу, если ему купят зимнее пальто с шалевым воротником (тогда они были в моде).

Вместе с сельсоветом выявили восемь неграмотных женщин – даже вместо подписи в ведомостях они ставили «крестик». За ними закрепили учителей, которые должны были с ними заниматься. Это называлось борьбой с неграмотностью. У сельских учителей, кроме проведения уроков, было много других забот. За каждым из них был закреплен десяток дворов, из ко-

торых выбирали наиболее приличный дом и прибавали на нем табличку «Хата агитатора». Каждую неделю учителя должны были в этой избе собирать закрепленных односельчан и проводить с ними беседы по внутренней и внешней политике, а также по различным бытовым и хозяйственным вопросам.

В селе была изба-читальня, которую позже назвали клубом. По субботам приезжала кинобудка и демонстрировался фильм. Перед показом фильма кем-то из учителей должна была быть прочитана лекция. Вопросов обычно не было, и слушатели бурными аплодисментами приветствовали окончание лекции, так как были настроены только смотреть кино.

Я с членами партии и кандидатами в нее два раза в месяц вел кружок «Основы марксизма-ленинизма». Поэтому отдыхать было некогда, только поздно вечером оставалась возможность почитать какой-нибудь методический журнал при свете керосиновой лампы.

Однажды из военного комиссариата мне пришла повестка для прохождения медицинской комиссии. Прошел ее в Рамони, в районной больнице. Вывод – годен для службы в воздушно-десантных войсках. Вскоре меня вызвали на призывную комиссию. Лейтенант доложил комиссии сведения обо мне.

– Ну что, пойдём служить, – улыбнулся военком.

– Никуда он не пойдёт, он нам здесь нужен! – отрезал председатель комиссии, второй секретарь районного комитета партии Перловский.

На этом моя военная служба закончилась. Я получил военный билет и вернулся домой. Перед этим зашел в местную киносеть и посетовал, что к нам в село присылают только старые фильмы – «Свинарка и пастух», «Кубанские казаки». Колхозники смотрят эти фильмы и усмеваются, мол, показали бы настоящую нашу жизнь. Директор киносети пообещал расширить репертуар и подарил мне списанный двигатель. Он заправлялся бензином и мог давать электричество (в общем, что-то вроде современного генератора). В выходные дни я его отремонтировал, подвел электропроводку, и наступил

торжественный момент. Я запустил двигатель, и загорелись лампочки в школьном коридоре, в нашей комнате и перед входом в школу.

Приближался новый, 1958 год. Все стали активно готовиться к празднику. Для украшения елки дети сами делали игрушки, часть я купил в Воронеже. Но главное, была приобретена гирлянда с электрическими лампочками. Сельсовет выделил деньги на подарки. Подбросил некоторую сумму и колхоз. Мы сформировали подарочные наборы с конфетами, пряниками и вафлями, которые многие дети увидели впервые.

Митрофана Ивановича нарядили Дедом Морозом, Снегурочкой – семиклассницу Раю Гайдаренко. Лесник подарил школе пушистую сосну. На праздник пришло все село, молодые мамы даже с грудными детьми, ведь всем детям давали подарки. И когда дети вместе с Дедом Морозом трижды прокричали: «Елочка, зажгись!», я включил гирлянду. Все ахнули! Такой елки в селе еще никогда не было, как не было и подарков.

Двигатель поработал всего несколько недель, а потом, что только я с ним ни делал, не заводился. Так и закончились первые опыты по проведению в селе электричества. А ведь было все это не так уж и давно.

Подводя итоги 1957 г., должен сказать, что уже тогда я определил (может быть, по-своему, наивно – с учетом возраста) стратегические направления, которые являются основополагающими в учебно-воспитательной и общественной работе, нашел себя в разнообразии тех дел, которые для меня являлись новыми, почувствовал поддержку тех людей, с которыми соприкасался в школе, селе, районе.

Весной на школьном дворе мы сделали большую клумбу и высадили цветы – астры, львиный зев, петунии. С участием биолога Митрофана Ивановича сформировали образцовый пришкольный земельный участок с четырехпольным севооборотом, включая различные сорта помидоров, огурцов, капусты, экзотических культур.

Мы с супругой тоже постарались. За школьным участком посадили картофель, помидоры, огурцы, различную зелень. Во время отпуска я съез-

дил в Воронеж и привез три дубовых бочки. В них осенью мы засолили свой урожай.

Вскоре клумба расцвела, и проходившие мимо колхозники с восхищением и удивлением разглядывали ее, ведь никто из них на своих подворьях цветы не выращивал.

Как-то в погожий осенний день к нам нагрнула бригада районо на мотоцикле с коляской – за рулем сам заведующий, Гвоздиков Яков Ильич, а с ним два инспектора. Обошли пришкольный участок, географическую площадку, спортплощадку – остались довольны. Затем посмотрели школьную документацию – классные журналы, протоколы заседаний педагогических советов, методических совещаний. Посетили уроки истории, русского языка, географии. При разборе уроков присутствовал и я. Особенно досталось учительнице русского языка В.Г. Винокуровой. Хотя замечания были и несущественными, но произносились с большим апломбом.

– Валентина Ивановна, – обратился я к одной из проверяющих инспектрис. – У нас еще урок в 5 классе. Покажите, пожалуйста, как методически правильно проводить урок, и мы у Вас поучимся!

– Ну что Вы! – смутилась она. – Я уже давно не работала в школе.

– Попробуй, попробуй, Валентина Ивановна! – засмеялся Гвоздиков. – Может быть, что-то получится!

На этом анализ уроков сразу и закончился. Проверяющие попили чаю и удалились, тепло попрощавшись. А мы продолжали трудиться. Большое внимание районный комитет партии уделял наглядной агитации. За это спрашивали с меня, как с секретаря партийной организации колхоза. В отсутствие Митрофана Ивановича, который писал и рисовал очень хорошо, этим приходилось заниматься мне.

А чертить я не любил, еще учась в школе. Учителем черчения у нас была женщина лет 35, которая модно одевалась и красилась. На ее уроках ребята свистели, ездили по классу на партах, стреляли жеваной бумагой из тру-

бочек (я учился в мужской школе). Учительница даже не пыталась остановить этот хаос, а только плотнее закрывала дверь, чтобы никто не услышал. К моему удивлению, мне она никогда не ставила двоек, видимо, потому, что я мало вступал в такой ход урока.

И вот теперь чертежным пером, красными чернилами на обратной стороне обоев мне приходилось писать призывные плакаты: «Получим по 3 тысячи литров молока от каждой фуражной коровы в год!» и прибивать под крышей коровников. А ребята, чаще всего на уроках труда, ходили чистить телятник, что называлось шефской работой.

Осенью 1958 года проходило совещание партийно-хозяйственного актива по итогам сельскохозяйственного года. На актив поехали председатель колхоза, передовая доярка и я. К тому времени колхоз приобрел старенький автомобиль «Москвич», поэтому мы ехали на автомобиле. После доклада первого секретаря РК КПСС Подгузова И.Ф. (в новой иерархии – это глава районной администрации), выступили и другие участники совещания, в том числе, и наш председатель. Выступал он не случайно, т.к. по производству молочной продукции наш колхоз занял первое место в районе. Затем состоялось награждение победителей. Председатель колхоза и я вышли на сцену, и нам вручили переходящее Красное знамя. После процедуры награждения всех участников ожидал торжественный ужин, включавший стакан «вермута» каждому.

Обратно ехали в приподнятом настроении. Проезжая мимо фермы, председатель колхоза остановил машину, взял в руки знамя, и мы с ним прошагали мимо стойла коров.

– Спасибо вам, коровушки, что мы завоевали знамя! – обратился председатель к коровам. Они равнодушно смотрели на происходящее, пожевывая сено.

Через некоторое время по стране пронесся клич: каждой сельской школе обустроить кроликоферму! Дошел он и до нашего района. Всем школам было предписано приобретать кроликов, выращивать их и мясо сдавать в за-

готовительную контору. За средства сельского совета мы приобрели двух взрослых кроликов породы «шиншилла» (современные модницы хорошо знают этот мех), выделили им место в сарае, огородили сеткой и стали ждать приплода. Мной было сформировано звено из школьников, которые ухаживали за кроликами. Кролики размножались довольно быстро, но также быстро по неизвестным причинам и погибали, а надо было отчитываться перед начальством за достигнутый результат.

Вскоре первый секретарь райкома КПСС вызвал всех директоров школ и грозно стукнул кулаком по столу: «Когда же начнутся поставки мяса?».

На следующий день я отправил Митрофана Ивановича в райцентр, вручив ему две корзины с кроликами. На этом наши поставки мяса и закончились, а о нашумевшей инициативе забыли. Сколько подобных инициатив мне еще предстояло пережить на своем пути!

В сельской школе я начинал работать во время правления Никиты Сергеевича Хрущева, который любил различные нововведения. На здании правления колхоза был прикреплен его призывный лозунг «Догоним и перегоним Америку!».

Как-то позвал меня председатель колхоза и показал телеграмму из райцентра об организации сдачи личных коров на районную ферму за определенную цену и приобретении молока по себестоимости в колхозе. Решили провести колхозное собрание, на котором предложить колхозникам решить этот вопрос. К нашему удивлению, данное предложение не вызвало больших споров. Многим было сложно заготавливать на зиму корм, а потом за бесценок сдавать молоко. Те же, кто решил оставить скот у себя, нашли выход – пасли коров на неудобьях, в оврагах.

Большой спор в правлении колхоза вызвало другое строгое предписание – держать на подворье не более 10 кур. Возник вопрос: куда относить петуха – к курам или сверх десятка? Наконец, решили, что петуха нельзя относить к курам.

В конце 1958 года мы ожидали рождения ребенка, а в той комнатке с младенцем проживать было бы просто невозможно. С разрешения районо пришлось пожертвовать одним классом. Печник поставил печку, вывел ее в общий дымоход. В Воронеже я купил диван, стол, железную ванну. Супруга поехала рожать к своей маме, Марии Федоровне, в Давыдовку.

Параллельно продолжалась обычная школьная жизнь, которая сочеталась с уборкой урожая. Это были годы, когда шло повальное насаждение в колхозах выращивания кукурузы. Но она не везде хорошо росла, да и убирать початки было нечем. Уже ударил небольшой морозец, землю припушило снегом, а нас опять просят помочь – убирать початки кукурузы, которые висят на стеблях. И опять в руки пионерское знамя, барабаны и строем идем убирать кукурузу. А за это – по стакану молока ученикам на перемене ежедневно круглый год.

Бывало и так. Я занят, и физкультуру проводить некому, так как Митрофан Иванович «заболел». Дети бегут и просят: «Евгений Вячеславович, дайте нам Барса!». Наш пес Барс к тому времени подрес, но к школьникам относился дружелюбно, так как они все время были у него на глазах (он жил в будке у сарая). Я спускал Барса с цепи, кидал мяч, и ватага ребят играла с псом в футбол, отнимая мяч у него и друг у друга.

Наконец, я получил телеграмму, что у меня родился сын, и назвали его Женя. Это произошло 13 ноября 1958 года. На другой день утром я был уже в Давыдовке и вместе с тещей Марией Федоровной заглядывал в окна родильного дома. На мою фуражку сыпался обильный снег.

Через три недели мы всей семьей были в Солнце-Дубраво. А уже через месяц супруге надо было выходить на работу. Тогда полагался послеродовой отпуск всего 56 дней. Я составил расписание так, чтобы мои уроки не совпадали с уроками жены, и это давало нам возможность поочередно нянчить ребенка.

К нашей радости Митрофан Иванович привез нам из Воронежа плетеную кровать-качалку. Теперь можно было оптимизировать процесс засыпа-

ния сына. Когда он научился говорить, требовал: «Качай быстрее!» и возмущался, если медленно качали.

Все неурядицы сельской жизни мы переносили довольно легко – молодые, здоровые, но с появлением ребенка они обострились. Бывшую классную комнату прогреть было сложно, и как мы ни топили печку, к утру вода в ведре становилась ледяной. Температура в комнате была 12 градусов, а в кровати – ребенок, которого надо мыть, пеленать, да еще при свете керосиновой лампы! При этом никакой одежды для детей такого возраста тогда не было в продаже.

Во многом выручала швейная машинка. Ее еще летом завезли в сельский магазин, и стоила она очень дорого – 830 рублей (моя месячная зарплата). Кроме того, надо было еще сдать 300 яиц. Кур у нас не было, но зато сельчане сдавали яйца в магазин по достаточно низкой цене. Пришлось купить там яйца, чтобы получить швейную машинку. Это была первая и последняя ценная вещь, купленная нами в Солнце-Дубраво.

Так что не могу все время говорить о мажорных нотах в нашей жизни. По весне и осенью в селе была непролазная грязь, поэтому все четыре года жизни в Солнце-Дубраво я проходил в брюках-галифе, купленных в военторге, и сапогах. На голове – серая шапка-ушанка. Поэтому незнакомые люди принимали меня за демобилизованного из армии.

Кстати, в райцентре меня как-то встретил работник военкомата и радостно сообщил, что мне присвоено офицерское звание «лейтенант запаса».

– Всех представляли на младшего лейтенанта, а Вам посчитали возможным присвоить звание «лейтенант», – торжественно сказал он. Так я заменил военный билет рядового на документы офицера запаса. Но служба моя продолжалась в школе.

Однажды в школу приехал на лошади инструктор райкома партии, вежливый молодой человек. По поручению руководства он предложил мне работу председателя рабочего комитета вновь организованного овощеводческого совхоза «Донской».

Я возразил ему, что эта работа не для меня, лучше буду заниматься воспитанием детей.

– Но ведь у Вас хорошо получается работа секретаря партийной организации колхоза!

– Эту работу я выполняю на общественных началах.

– Ну ладно, постараюсь, чтобы Вас не трогали, – сказал инструктор.

Больше с такими предложениями ко мне не обращались.

К началу нового, 1959-1960 учебного года в школу прислали нового учителя вместо Митрофана Ивановича. Это был Павел Федорович Глазьев, учитель физкультуры и труда. Вместе с ним приехала его жена Ефросинья Ивановна, учитель химии и биологии. До этого они работали в Ступинской средней школе Березовского района, но оттуда им пришлось уволиться, вроде Павел Федорович – неуживчивый человек.

Мне было странно слышать такие вещи, хотя я и знал, что инспекторы районо довольно часто выезжают в школы для проверки жалоб, а не по основной работе. Поселил я приезжих в нашу бывшую комнату – тесновато (они были с сыном пяти лет, Славиком), но больше ничего я им предложить не мог.

Жить нам в школе стало веселее, да и теперь могли съездить в Воронеж к моим родителям всей семьей – хотя бы искупаться в ванной. Осенью Павел Федорович наносил своим рюкзаком яблок из села, где жила его мать, и мы на зиму замочили их целую бочку. В нашем селе плодовых деревьев ни у кого не было. Говорили, что когда ввели налог на каждое плодородное дерево, крестьяне их просто спилили.

Павел Федорович оборудовал мастерскую для занятий по трудовому обучению. Он учил ребят ходить на лыжах, стрелять из малокалиберной винтовки. Включили его в состав художественной самодеятельности – он хорошо играл на гармошке.

Особенно запомнилось выступление нашей самодеятельности в деревне Буравлянка. На концерт пришли жители многих окрестных сел. Перед

этим прошел сильный дождь и «артистам» пришлось добираться в Буравлянку на телеге, которую тянул трактор. Но концерт удался на славу, и о нем потом долго говорили.

Никакой неуживчивости Павла Федоровича я так и не заметил, хотя его работой неоднократно интересовались из района. Я пришел к выводу, что вся эта «неуживчивость» и писанина друг на друга исходят от безделья. Когда человек занят делом, ему некогда думать о чем-то другом. Он просто мечтает об отдыхе после трудового дня.

На одной из традиционных районных конференций по итогам учебного года мне была вручена Почетная грамота Министерства просвещения РСФСР, которая осталась для меня самой дорогой наградой, и я храню ее до сих пор.

ГЛАВА 3. СТУПИНО

Приближался новый 1960-61 учебный год. Неожиданно меня вызвали к заведующему Воронежским областным отделом образования Александру Петровичу Костину. Он встал, поздоровался со мной за руку и сказал, что Березовский районный комитет партии по представлению районо рекомендует меня директором Ступинской средней школы. В Березовском районе тогда было всего три средние школы: Рамонская, Ново-Животиновская и Ступинская.

– Директор Ступинской школы никак не может справиться с коллективом, – сказал Костин. – Все пишут и пишут. Мы устали ездить проверять. Я думаю, ты молодой, энергичный, у тебя получится.

Пришлось согласиться, тем более, что мою школу переводили на центральную усадьбу совхоза «Комсомолец», а в Солнце-Дубраво оставались только начальные классы.

В тот же день был издан приказ о переводе меня директором Ступинской средней школы с 15 августа 1960 года. Я помчался в районо, показал приказ, они его продублировали, поздравили меня с назначением и сказали, чтобы я ждал нового директора для приема школы. О таком повороте в нашей жизни я сообщил жене, оседлал велосипед с моторчиком и поехал смотреть Ступинскую школу, которая находилась недалеко от Рамони, через реку, в восьми километрах, но я там никогда не был.

Директор школы Василий Петрович Крюков встретил меня с распростертыми объятиями: «Наконец-то я уеду в свою Пчельниковскую семилетку! Здесь какая-то клоака!».

Я начал знакомиться со школой. На 260 учащихся – 35 учителей. Все 10 классов укомплектованы. Село Ступино растянулось на несколько километров. Центральная усадьба далеко, школа – как автономия. Десяток квартир учителей рядом со школой. Интернат в бывшем помещичьем доме, там же живет зам. директора по учебной работе Потанина с мужем и свекровью –

старой дворянкой. Имеется автомобиль, так называемая «полупанорама» военного образца, лошадь. Во дворе усадьбы – тракторный двигатель, который освещает школу и ближайшую округу с 18 до 23 часов. Учителя, в основном, местные. Несколько молодых выпускников педагогического института.

Договорились с моим предшественником В.П. Крюковым, что через день он придет в Солнце-Дубраво полупанорама, и мы переедем. Квартиру к этому времени Василий Петрович уже освободил. Это был низкий домик с большой кухней, залом и спальней. Беда была в том, что все стены в доме оказались сырыми. И хотя прежний хозяин обшил стены снизу досками, сути дела это не меняло.

В Солнце-Дубраво я попрощался с учителями и пошел к председателю колхоза. Он был заметно огорчен таким поворотом событий. Я объяснил, что в Солнце-Дубраво все равно не смог бы остаться, так как школу переводят в другое место.

– А как же общественная работа? Кто ее будет проводить? – Василий Яковлевич с досадой махнул рукой.

– Но ведь начальная-то школа остается, – успокаивал я.

– Это не то. Замрет жизнь села.

Председатель колхоза, имеющий среднее агрономическое образование, понимал важную социальную роль сельской школы, чего не смогли понять министерские чиновники с учеными степенями и званиями. В настоящее время закрываются малокомплектные школы на селе, а ребят возят на автобусах в опорную школу. Тратят огромные средства на эксплуатацию и содержание школьных автобусов. А на практике – то автобус сломался, то дорогу замело, то бензина нет. И сидят ребята дома. Но даже при идеальных условиях – это не выход. Там, где нет школы – село умирает.

Уже в наши дни я по этому вопросу много раз выступал на конференциях и совещаниях различного уровня, в средствах массовой информации, но, увы, процесс разрушения образовательной системы на селе продолжается...

Сдал я свою школу, которая стала мне родной, новому директору. Человек он был для района новый, демобилизованный из армии офицер. Вскоре со своей семьей, собакой и кошкой я был на новом месте. Начиналась новая жизнь, жизнь директора Ступинской средней школы.

На следующий день после приезда в Ступино я вновь встретился со своим предшественником. С участием председателя сельского Совета и бухгалтера составили акт приема-передачи, и я приступил к исполнению своих обязанностей директора средней школы. Прежний директор пожелал мне удачи, облегченно вздохнул, сел на велосипед и отправился в свою долгожданную Пчельниковскую школу. Он был приятный мужчина, лет на десять старше меня, мы с ним неоднократно встречались на совещаниях в районо. Я его просил, чтобы он не давал мне характеристику учителям, иначе у меня к ним будет заранее сформировано определенное отношение. Поживем-увидим, кто чего стоит.

Я зашел в учительскую, через которую можно было войти в мой кабинет. Там оживленно общались человек двадцать учителей, вышедших из отпуска, в том числе, заместитель директора по учебной работе Потанина. Было не трудно понять, что они обсуждали перемены в школе и нового директора. Потанина, рыжеволосая пухлая женщина лет тридцати пяти, через очки с толстыми линзами выжидательно посмотрела на меня.

Я представился и сказал:

– Будем считать, что у нас сегодня малый педагогический совет. Хотелось бы, чтобы каждый нашел свое место в подготовке школы к началу нового учебного года. До сих пор я не увидел расписания учебных занятий! Нет порядка и в учебных кабинетах! Предлагаю завтра устроить субботник по благоустройству территории. Можно привлечь и учащихся, но только вместе с вами. Учитель труда определит каждому участок работы.

На следующий день работа бурно закипела. Одни красили решетку забора вокруг школы, другие белили деревья и подсобные помещения, третьи вместе с учащимися убирали школьный двор и прилегающую территорию.

Подъехал на машине председатель райисполкома Морщак Иван Федорович. Походил, посмотрел.

– Писать жалобы не будут? – обратился ко мне.

– Труд украшает человека, – парировал я.

Он засмеялся, пожелал удачи и уехал. Так началась моя работа в новом коллективе.

На торжественную линейку 1 сентября 1960 года выстроилась вся школа – 260 учащихся и учителя. В сторонке стояли родители первоклассников. По сравнению с Солнце-Дубравской школой, зрелище было внушительное. Приехал на мотоцикле заведующий районо Гвоздиков Яков Ильич, который в свое время был директором этой школы.

Все традиционно – речи, цветы, первый звонок. Десятиклассник пронес на плече первоклассницу с белыми бантами. В актовом зале собрались учителя, с которыми побеседовал Яков Ильич. Потом поговорили с ним один на один. Он дал мне ряд советов и уехал. Начались школьные будни.

Много раз перечитывал я книгу выдающегося украинского педагога Василия Александровича Сухомлинского «Павлышская средняя школа», в которой было много методических советов по организации учебно-воспитательного процесса, и которые часто помогали мне в работе. Если бы это было в Солнце-Дубравской семилетней школе, где вместе со мной трудилось всего семь учителей, я бы их просто замучил своими методиками. Здесь же был коллектив в пять раз больше.

Начал знакомство с младших классов и постепенно добрался до старших. При этом посещал не один урок у учителя, а несколько подряд, чтобы было целостное представление. Включил в эту работу завуча школы и методический совет. Объявил, что по итогам первой четверти будет проводиться педагогический совет «О состоянии качества обучения». Основной докладчик – я, содокладчик – завуч. Писать кляузы стало некогда, да и не на кого. Еще раньше в школе сформировались два противоборствующих «лагеря» –

одни поддерживали прежнего директора, а другие – завуча. Теперь они просто испарились. Каждый старался подготовиться к уроку.

Свекровь Потаниной, которая от скуки была инициатором всех «разборок», оказалась не у дел. Я часто заходил в интернат, где проживали и ученики, и Потанина. Она очень любезно меня встречала и угощала пирожками не только меня, но и ребят.

Телевизоры тогда только появились. В Ступино был один телевизор – в школе, да и то с увеличительной линзой на экране. Телевизор стоял в актовом зале, в фанерной коробке с дверцей, под замком. Ответственным за телевизор был учитель физики Иван Михайлович Присекин. Ближе к вечеру в актовом зале собирались ученики и учителя, Иван Михайлович, как чародей, открывал замок на ящике и включал телевизор.

Кинопередвижка приезжала, но только на центральную усадьбу, за 3 км от школы. Туда из наших редко кто ходил. Как-то пригласили меня в клуб прочитать лекцию о международном положении. Я пришел, просидел около часа с управляющим хозяйством (он был секретарем партийной организации), но из слушателей так никто и не появился, потому что в этот день кино не показывали. Я отправился в потемках, осенью, в грязь обратно. Больше я в этом клубе не появлялся.

На уборку сельхозкультур нас не звали. Видимо, это объяснялось тем, что в Ступино был совхоз, и в нашей работе не нуждались. Достаточно тесные связи сложились у меня с председателем сельского Совета, бойким мужчиной средних лет, который заезжал за мной на бричке. В Ступино были распространены религиозные секты, запрещенные государством, и он всегда брал меня в поддержку на разгон их мероприятий, которые проводились в различных избах.

В бытовом плане наше положение улучшилось. Во-первых, жилье было достаточно просторное, хотя и сырое. Во-вторых, в вечернее время светили электрические лампочки, в-третьих, колодец находился рядом с домом. Туалет, как в школе, так и дома, был во дворе. Но до Воронежа добираться стало

сложнее. Надо было на машине или лошади доехать до Рамони, а уже оттуда – автобусом.

С устройством сына в наше отсутствие мы решили так. Напротив нас жили две сестры-пенсионерки, одна из них – бывшая учительница. Они всегда рады были оставаться с сыном. Сыну было уже два года, он всюду говорил и бегал. Оля сшила ему из моих заношенных брюк-галифе зимнее пальто, оторочив его меховым воротником. В пальто были боковые карманы, и Женя степенно ходил, засунув в них руки. В одну из таких прогулок на его пути оказалась замерзшая лужа. Я хотел взять сына за руку, но он от моей помощи отказался – я сам! И тут же упал лбом на лед – руки-то были в карманах. На лбу у него сразу выросла громадная шишка (шрам остался до сих пор, хотя прошло больше пятидесяти лет!). Подбежавший учитель физкультуры Алексей Егорович Зенин вмиг запряг лошадь, и мы помчались в районную больницу. Врач осмотрел травму, просветил на рентген-аппарате, обработал рану и сделал вывод: ничего страшного, будьте здоровы! Медицина наша и тогда не отличалась навязчивостью.

Осенью 1960 года, примерно в октябре, я приехал в Воронеж на школьном грузовике покупать учебники и методические пособия. Зашел к родителям, рассказал о нашем житье-бытье. При разговоре присутствовал мой дед по материнской линии – Ефим Михайлович Полторацкий, который жил с ними.

Осенью 1960 года, примерно в октябре, я приехал в Воронеж на школьном грузовике покупать учебники и методические пособия. Зашел к родителям, рассказал о нашем житье-бытье. При разговоре присутствовал мой дед по материнской линии – Ефим Михайлович Полторацкий, который проживал с ними. Было ему в то время 84 года.

Ефим Михайлович – личность легендарная. Раньше он с пятью дочерьми и супругой – моей бабкой – проживал в с. Жуковка Полтавской области, был достаточно зажиточным человеком, так как после Октябрьской революции скупил за бесценок земли у бежавших помещиков. В общем, по совре-

менным понятиям, сделал бизнес. Организовал конную почту «Полтава-Киев», которая даже в годы гражданской войны работала регулярно. У него был дом под железной крышей, каменный сарай, 14 коров и 28 коней. Украшением дома был рояль.

В 1930 г. деда осудили вместе с другими односельчанами за принадлежность к Украинскому филиалу Трудовой крестьянской партии, которая была признана преступной организацией. Приговорили его вначале к высшей мере социальной защиты – расстрелу, который заменили 30 годами лагерей. Дом и все хозяйство отобрали, семью выслали в Архангельскую область. Там же, в Архангельске родился и я.

В доме Ефима Михайловича в с. Жуковка до начала 60-х гг. находился районный отдел милиции. Реабилитировали деда только в 1989 году, естественно, уже посмертно. Моему сыну уже в 90-х гг. удалось побывать в архиве Полтавской Службы безопасности Украины и ознакомиться с уголовным делом Ефима Михайловича. Вины своей он не признал, показаний ни на кого не давал, что по тем временам было редкостью. В краеведческом музее в селе Жуковка есть специальный стенд, посвященный Ефиму Михайловичу. Стоит там до сих пор его рояль и даже сохранившееся по сей день кожаное кресло. Но это отдельная история.

Так вот. Я в шутку пригласил Ефима Михайловича в гости, а он неожиданно согласился. По старой лагерной привычке взял с собой свою подушку. В Ступино он гостил несколько дней, познакомился с нашим хозяйством, не преминул дать ряд советов, попил парного молока от соседской коровы. Видно было, что тосковал по селу. Однако в свою родную Жуковку он так и не смог вернуться и даже никогда не ездил туда после освобождения. Дед прожил еще почти десять лет и умер в Воронеже на 93 году жизни.

...В октябре мы решили озеленить улицу. Вокруг места живописные – река, заповедный лес, в котором по весне трубили лоси. Лес подступал прямо к школьным огородам. Позади села – молодой сосновый бор, в котором много грибов. А вот в самом селе зелени не густо. Мы привезли из питомника

сотню березок и посадили вдоль сельской улицы. К нашему сожалению, березки вскоре сломали. Предположили, что это сделали сектанты в отместку за то, что не даем им проводить их сборища.

В целом с жителями села я нашел общий язык и пользовался авторитетом. В моем распоряжении был двигатель, который давал электричество, грузовая машина «полупторка», да еще и лошадь, которой селяне пользовались при посадке картофеля.

И соседи были доброжелательные. Тарелками носили нам соленые грузди, которые они заготавливали в бочках. Оля грибы не любила, а я с удовольствием ел эти деликатесы с горячей картошкой.

Для сплочения коллектива я решил устраивать культурные выезды в Воронеж. Обтягивали брезентом верх кузова, в него ставили скамейки и вперед! Запомнился один из таких выездов в Воронежский драматический театр им. А.В. Кольцова. Сколько было подготовки к этой поездке и сколько впечатлений после спектакля!

Приближался новый год, а на счете еще оставались кое-какие деньги на хозяйственные расходы. Поехал я на «полупторке» в Рамонь и выпросил в райпотребсоюзе 200 листов шифера. Заехал к ним на склад, попросил легкие санки для лошади. С этим богатством я возвратился в Ступино. Уже на следующий день сбрасывали солому с крыши дома пенсионеров Смирновых (строение было школьное) и укладывали шифер. Затем очередь дошла до соломённых крыш учебных мастерских и подсобных помещений. Теперь вся школьная усадьба была облагорожена.

Полезным делом считал я и приобретение для школьного интерната поросенка. Неоднократно наблюдал, как повариха интерната выходила домой с полным ведром пищеотходов, чтобы кормить своих поросят и кур. Почему бы и школе не купить поросенка?

Задумано – сделано. Я послал в совхоз учителя труда, и он привез поросенка, которому мы отгородили место для проживания в конюшне. Пищевые отходы потекли теперь не к поварихе, а к нашему поросенку. Если бы я

знал, какую свинью подложит эта хрюшка будущему директору – моему преемнику, я бы с этим делом не затевался.

В школе была заложена хорошая традиция – проводить акцию «За честь школы». Это была своеобразная перспектива, к реализации которой начинали готовиться уже с сентября. Сам же праздник проводился в конце мая. Каждый класс собирал материал, в котором он мог показать себя. Здесь и поделки, и рисунки, и плакаты. В актовом зале отводили для каждого класса место. Ребята загорелись этой игрой и тщательно готовились к празднику, а вместе с ними и каждый классный руководитель. Но пик этого праздника я в качестве директора школы уже не увидел.

ГЛАВА 4. ЗАВЕДУЮЩИЙ РАЙОНО

В середине марта 1961 года в школу неожиданно приехал на распространном тогда в руководящих инстанциях автомобиле «ГАЗ» инструктор райисполкома. Он сказал, что меня срочно приглашает председатель райисполкома Иван Федорович Морщак. Мы приехали в Рамонь, к клубу сахарного завода, где проходила сессия районного Совета депутатов. Нас встретил улыбающийся заведующий районо Я.И. Гвоздикив. Мы тепло поздоровались, и он повел меня в кабинет, находящийся рядом со сценой (так называемую комнату президиума). Там и расположился И.Ф. Морщак.

– Якова Ильича мы только что избрали моим заместителем, – обратился он ко мне, – поэтому предлагается тебя выдвинуть на вакантное место заведующего районо.

– Да нет. Я еще молод для этой должности – мне только 27 лет. Люблю работу в школе, творческую, а работа чиновника не для меня.

– Биографию твою мы знаем. Будешь делать работу чиновника творческой, – прервал меня председатель, – сейчас пойдем на сцену, сядешь в президиуме во втором ряду.

Мы отправились на сцену.

– Продолжим нашу работу, – обращаясь к участникам заседания, сказал Морщак. – На должность заведующего Березовским районным отделом народного образования предлагается избрать Тонкова Евгения Вячеславовича, 1933 года рождения, члена партии, директора Ступинской средней школы. Кто за, кто против, кто воздержался? Избран единогласно. Поздравляем!

Председатель пожал мне руку, и я вышел. Меня догнал Я.И. Гвоздикив. Он сказал, что через час будет готово решение сессии, а пока можно пойти посмотреть мою будущую квартиру. Это была квартира бывшего директора Рамонской средней школы, который был переведен на работу директором Горожанской школы-интерната. Прежнего хозяина квартиры, Морщагина Виктора Филипповича, я хорошо знал, он был нашим дальним родственни-

ком, и мы иногда останавливались у него, приезжая в Рамонь на районные педагогические конференции.

Квартира состояла из кухни, гостиной и спальни. В кухне и спальне были печи. Во дворе – туалет и сарай с погребом. Квартира находилась фактически в саду школы, которая располагалась в доме, до Октябрьской революции принадлежавшем принцессе Ольденбургской.

Дождавшись, пока было готово решение сессии о моем избрании, я сел в автобус и отправился в Воронеж. Вошел в кабинет заведующего областным отделом образования Костина Александра Петровича.

– Что-то ты к нам зачастил, – засмеялся он.

– Да вот, с новой должностью...

– Знаю, знаю, – прервал он меня, – теперь будем чаще встречаться.

Буквально через десять минут был готов приказ о моем назначении, и я вернулся в Рамонь. В районо меня уже ожидал Гвоздилов. Поговорили о будущей работе, он передал мне несколько папок с бумагами, которые лежали в сейфе, печать, штампы и ключ от сейфа.

– Из школы приехала за тобой машина, – сказал он. – Поезжай домой. Дела временно передай Потаниной.

Поговорили о кандидатуре директора и пришли к выводу, что больше всех подходит Мамонов Иван Тихонович, правда, он был беспартийный. Его потом и назначили. А года через полтора освободили. Написали на него жалобу, что неправильно поделил мясо свиньи (того поросенка, что завели еще при мне). Да еще припомнили, что армия, в которой служил Мамонов в годы войны, попала в окружение под Харьковом, а он оказался в плену и батрачил у немецкого бюргера.

Вернувшись домой, я бодро сказал жене:

– Ну, мать, собирай вещи! Завтра поедем в Рамонь. Меня назначили заведующим районо!

– Сидел бы ты на месте. Только обжились. Не надо было соглашаться!

Меня эта должность тоже не прельщала, причем зарплата была ниже, чем у директора средней школы, всего 860 рублей, и я вынужден был после работы вести уроки истории еще и в вечерней школе.

На следующий день, утром передал дела Потаниной, не знаю, к ее радости или печали, скорее, к радости. Попрощался с учителями. Подошел Павел Федорович Глазьев, который со своей семьей переехал вслед за мной из Солнце-Дубраво.

– Это вам на память от нашей семьи, – протянул он большой альбом для фотографий в бархатном переплете. Этот альбом и сейчас хранится у нас. На нем стоит дата моего отъезда из Ступино – 18 марта 1961 года.

И опять «полуторка» с нашим скарбом и будкой с собакой отправилась на новое место жительства. Ехали окружными путями, лесом, потому что дорогу сильно развезло – наступила весна. Лесная дорога тоже была разбитой, но фронтальная машина выдержала трудный путь с честью.

Когда мы в Рамони разгружались, подошел пожилой человек. Оказалось, наш новый сосед – учитель биологии Буйленко Николай Васильевич, ветеран Великой Отечественной войны, бывший майор. Дочь его училась в Воронеже, а сын был младшим лейтенантом милиции. Сын ходил в синем кителе с блестящими медными пуговицами, весь в ремнях-портупелях, с кожаным планшетом и пистолетом в кобуре. Наш сын всегда зачарованно смотрел на него. Когда у него спрашивали – кем ты хочешь стать, когда вырастешь, неизменно отвечал:

– Милиционером на ситровом заводе (в смысле, где выпускают напиток «ситро», он его очень любил).

Все дружно смеялись от такой его ранней профессиональной направленности, но в итоге, почти так и получилось – сын стал полковником милиции.

С семьей Буйленко мы подружились. У них была моторная лодка, и иногда мы на ней поднимались вверх по течению реки. Места там были очень красивые.

– Вы живете как в Швейцарии, – восхищались приезжие. И хотя никто в Швейцарии не бывал, но она почему-то рассматривалась всеми в качестве эталона прекрасного.

В гости к Николаю Васильевичу мы приезжали и потом, уже проживая в Белгороде.

Сына мы определили в детский сад, который находился недалеко от липовой аллеи, высаженной еще при принцессе Ольденбургской. Оля стала вести уроки истории в Рамонской средней школе. Директор школы – Корыстин Василий Васильевич, худой, желчный, всегда чем-то недовольный. Впоследствии, когда я в качестве заведующего районо проводил совещания, часто опаздывал, держал себя высокомерно. Причиной такого поведения оказался тот факт, что с заведующим облоно Костиным они были женаты на родных сестрах.

Как-то он поставил в повестку дня педагогического совета вопрос «О крашении губ». С докладом выступил сам и заявил, что некоторые «дамочки» позволяют себе ходить на уроки с накрашенными губами, чем отвлекают учащихся от занятий, внимание на уроках рассеивается.

Ему возразил завуч школы Ильинский:

– Работа у наших учителей трудная, пусть хоть чуть-чуть почувствуют себя женщинами! Красьте губы, товарищи женщины! – призвал он. Раздались аплодисменты.

20 марта 1961 года – первый день моей работы в должности заведующего районо. Весь штат отдела составляли три инспектора и бухгалтер. Все лет на десять были старше меня.

– Мы с вами где-то встречались, – пошутил я. Все дружно заулыбались.

Я попросил инспектора Дмитрия Васильевича обзвонить директоров школ – решил 24 марта провести совещание по итогам третьей четверти. Школьники в то время были на весенних каникулах.

Позвонил заведующий общим отделом райисполкома:

– Забирай свой мотоцикл! Он стоит у нас в гараже.

На мотоцикле я раньше никогда не ездил, только на велосипеде с моторчиком. Дмитрий Васильевич посоветовал пригласить учителя труда из Рамонской школы, который хорошо разбирался в технике. Так я и сделал. Для моего обучения мотоциклетному делу потребовалось два вечера после работы, и вскоре я уже разъезжал по всему району на мотоцикле. Никаких прав на вождение у меня не было.

24 марта перед совещанием ко мне зашел директор школы пос. Бор, инвалид войны, без ноги, на костылях:

– Примите наши поздравления от всего коллектива директоров. Скажу без всякого подхалимажа, что когда обсуждался вопрос о кандидатуре, все мы пришли к выводу, что Вы самый подходящий человек. Считайте, что мы тоже выбрали Вас!

– Спасибо за доверие, – ответил я, – но и вы старайтесь меня не подводить.

Первое совещание я провел в оптимальном режиме. Не стал каждого поднимать с отчетом, как было раньше, а попросил все отчеты сдать инспектору Дмитрию Васильевичу.

– Если у кого есть сложные проблемы, которые сами не можете решить, давайте обсудим вместе, – сказал я директорам, – предлагаю в последующем совещания проводить не в районо, а сделать их выездными, в каждой школе по графику. И себя покажем, и других посмотрим. Побываем на уроках, познакомимся с материальной базой. Надо избавляться от термина «инспекторская проверка»!

С моим предложением все согласились.

– Тогда первой по графику будет Ново-Животиновская средняя школа, – кивнул я в сторону директора этой школы. Выезд от районо в 10 часов. Начало работы в 11 часов. Кому ближе – добирайтесь сами!

Такая практика мной реализовывалась на протяжении всей работы заведующим районо и дала положительные результаты. Половина поступав-

ших в районо бумаг «просим представить», «просим обеспечить» летела сразу в корзину. Организаций в районе много, и все чего-то требовали.

Однажды зашел ко мне секретарь районного комитета комсомола:

– Вы получили от нас письмо о проведении соревнования между школами по сбору металлолома?

– Да, вроде, нет, – посмотрел я на столе. – Ага, стой! – полез в мусорную корзину и вытащил конверт с обратным адресом райкома комсомола.

От удивления секретарь опешил.

– Ты что, не мог ко мне зайти и просто сказать, живем ведь через стенку? – спросил я.

Райком комсомола размещался в другой половине здания. Я рассказал ему, как у нас, в Солнце-Дубравской школе, соревновались классы по сбору металлолома. Во дворе школы отвели каждому классу место для складирования металла. Борьба была острой. Был даже назначен дежурный, который следил, чтобы не перебрасывали металл из одной кучи в другую.

Соревнование подходило к концу, когда ко мне зашел тракторист и попросил посмотреть, нет ли среди металлолома запасных частей от его трактора.

– Только привез новые запасные части в ящике, сходил на обед, а ящик пустой, – горестно взмахнул рукой он.

Мы как раз ждали машину, которая должна была отвезти металлолом в Рамонь. К радости тракториста, в одной из куч металлолома он обнаружил свои запчасти – их не успели увезти! Это была куча передового 6 класса.

Я зашел в класс:

– Кто взял запасные части от трактора?

Встали пять передовиков:

– Мы думали, что они никому не нужны. Хотели же, как лучше.

– А получилось, как всегда, – добавил бы я сегодня. Но тогда мы еще не знали этой знаменитой фразы. Поэтому я просто сказал:

– После уроков запчасти вернуть на место!

Было принято решение: в качестве наказания 6 классу отдать последнее место в соревновании.

– Поэтому, – завершая свой рассказ, сказал я, обращаясь к секретарю райкома комсомола, – в вашем письме надо указать, какой металл можно брать, а какой нет, а то они и целый трактор притянут! А мы, между прочим, опередили комсомол. Соревнование по сбору металлолома уже провели и сводный отчет составили. Можете ознакомиться!

На этом и расстались. А комсомольский секретарь еще долго вспоминал и всем рассказывал, как я его письмо искал в мусорной корзине.

Отпуск мне не дали, и все лето я был на работе. Ближе к осени к нам приехали моя теща Мария Федоровна и младшая сестра жены Валя, которая окончила педагогическое училище в г. Россошь Воронежской области. В Рамонской средней школе она стала вести математику в 5 классах. Валя и моя жена Оля были активными участницами школьной художественной самодеятельности и в праздничные дни в клубе «Сахарник» с большим успехом на два голоса исполняли песни – репертуар у них был довольно широкий. Время неумолимо – сегодня Валентина Николаевна живет в Подмосковье, и сама уже давным-давно бабушка.

В поселке Бор, недалеко от Рамони, находилась мужская колония строгого режима. Осужденные работали на заготовке торфа. Я являлся членом наблюдательной комиссии колонии по условно-досрочному освобождению, поэтому приходилось там бывать. Осужденные часто жаловались на плохое питание, говорили, что мало дают мяса. Меня это даже раздражало – мясо мы тогда и сами редко имели в своем скудном рационе. Оля однажды читала лекцию осужденным. В зале молча сидели слушатели – отряд бритоголовых угрюмых мужчин в серых робах, а у стола, с автоматом наперевес, стоял охранник.

Каждый понедельник проходило заседание исполкома. Зимой оно начиналось в 8 утра, а в весеннее-летний период – в 7 часов.

Председатель исполкома рекомендовал мне бывать не только в школах района, но и встречаться с председателями сельских Советов и руководителями хозяйств, интересоваться не только школьными делами, но и связью школ с сельскохозяйственным производством.

Я сказал председателю, что разговор с руководителями хозяйств плохо получается – они чувствуют себя местными князьками, а в некоторых колхозах приходится с боем добиваться, чтобы школьникам давали молоко.

– А ты подготовь доклад по этому вопросу. Мы соберем председателей колхозов и директоров школ, – дал мне поручение И.Ф. Морщак.

Такое совещание состоялось, и я выступил на нем с докладом «Об этике отношений». В нем я не только изложил суть вопроса, но и на конкретных примерах показал отношение некоторых руководителей хозяйств к школам. Привел и положительные примеры, отметив, в частности, колхоз им. Мичурина, на территории которого располагалась Солнце-Дубравская школа, где я раньше работал.

На совещании присутствовал и первый секретарь райкома КПСС Подгузов Иван Федорович, в то время – главный руководитель в районе. Он обвел зал глазами и с металлом в голосе произнес:

– Уважаемые господа-товарищи, не забывайте, что вы не помещики, а слуги, избранные народом. Если узнаю о вашем хамском отношении к людям, вмиг станете рядовыми! – Он еще раз тяжелым взглядом посмотрел в зал. Председатели втиснулись в кресла, низко опустив головы. Первый секретарь пользовался большим авторитетом не только в районе, но и в области. Его побаивались и ответственные работники Воронежского областного комитета партии. Позже, когда он был первым секретарем Анненского райкома КПСС, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда – высшая, по тем временам, награда.

Как и сейчас, раньше было модно заключать договоры о сотрудничестве между предприятиями, районами, областями. В райкоме партии мне рекомендовали подготовить такой договор с органами образования Новоусман-

ского района Воронежской области, нашим близким соседом. Договор я подготовил и отнес секретарю райкома партии по идеологии Рогожниковой. Это была высокая, довольно красивая женщина лет сорока, с гладкой прической. Всегда была невозмутимой и спокойной.

Она прочла договор, одобрила и тут же созвонилась с Новоусманским райкомом партии. Наметили день встречи в Новой Усмани. После подписания договора остановились обе делегации у реки Воронеж. С нашей стороны были секретарь райкома Рогожникова, заместитель председателя райисполкома Гвоздиков и я, а со стороны соседей – второй секретарь райкома партии Вавакин, заместитель председателя райисполкома Мозговой и заведующий районо Курилов. Расстелили плащ-палатку и подняли тост за договор.

Я поставил стакан с водкой на землю и сказал:

– Я пить не буду! Сами пропагандируем борьбу с пьянством и в то же время находим случай, чтобы выпить!

У моего коллеги Курилова стакан повис в воздухе, и очки почему-то полезли вниз, к носу. У Вавакина рот застыл в улыбке. Гвоздиков ехидно посмотрел на меня.

– Каждый договор скрепляется чем? Печатью, а не водкой! – добавил я.

Рогожникова так хохотала над моей выходкой, что стала икать, а потом пошла купаться.

Гвоздиков потом еще долго «подкалывал» меня:

– Может, еще с кем поедем подписать договор?

Приближался 1962 год. В сельских магазинах, да и в райцентре, было, как говорится, хоть шаром покати. На прилавках пусто. Люди недовольно возмущались – Америку, видно, уже догнали, скоро будем перегонять... Это было время, когда Н.С. Хрущев выдвинул лозунг: догнать и перегнать Америку! Но задача оказалась не по зубам...

Зашел к председателю райпотребсоюза:

– Дайте хоть что-нибудь учителям к празднику!

– Ладно, – смилостивился он. – По 1 кг вермишели и по 1 кг халвы.

Пошел домой. Уже темнело. Дома никого не было, только Барс подал голос. Зашел в детский сад. Воспитательница была одна с моим сыном. Я извинился, что заставили ее ждать, и мы с четырехлетним Женей пошли домой. Примерно через час прибежала радостная жена:

– В очереди стояла! Вермишель и халву дали к Новому году!

ГЛАВА 5. АСПИРАНТУРА

К весне стали поговаривать, что наш Березовский район планируют объединить с Семилукским. У нас в стране давно вошло в привычку вольно обращаться с административно-территориальным устройством – все время что-то объединяют, разъединяют, создают новые районы, а то и субъекты федерации. При встрече с Я.И. Гвоздиковым, я спросил его о предстоящем объединении. Он ответил, что скоро это будет, но попросил пока этот вопрос не афишировать.

Центр, скорее всего, будет в Семилуках, – подумал я. Это промышленный город, недалеко от Воронежа. Надо было что-то думать по поводу работы. Решил осуществить свою давнюю мечту и поступить в очную аспирантуру. Посоветовался с супругой и отцом. Они мой выбор одобрили. Пошел к председателю исполкома за характеристикой.

– Если бы не предстоящее объединение районов, я бы тебя не отпустил, – сказал он. – Но с учетом предстоящих перемен, скажи заведующему общим отделом, пусть подготовит характеристику.

Через две недели, собрав необходимые документы, я отправился в Воронежский педагогический институт. Решил поступать в аспирантуру по кафедре педагогики, чтобы на научной основе проанализировать накопившийся у меня практический опыт. Зашел к заведующему кафедрой педагогики и психологии доктору педагогических наук, профессору Николаю Ивановичу Алпатову. Он был хорошо знаком с моим отцом, но, несмотря на это, встретил меня довольно холодно и неприветливо. Алпатов отличался сложным характером, но, видимо, имел на это право. Он был видным отечественным педагогом. После окончания в 1928 году Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена долго работал на Урале и даже несколько лет (1952 – 1956 гг.) был ректором Челябинского педагогического института.

Н.И. Алпатов со мной сухо побеседовал о моей педагогической деятельности, но разрешил подавать документы, видимо, моя биография его впечатлила.

В сентябре я успешно сдал экзамены и был зачислен в очную аспирантуру. Поехал в Рамонь. Зашел к председателю райисполкома И.Ф. Морщаку, показал ему письмо-вызов из института, что я зачислен и с 1 октября 1962 г. должен приступить к занятиям. Он меня поздравил и предложил зайти доложить ситуацию к первому секретарю райкома партии И.Ф. Подгузову.

В кабинете у Подгузова был и второй секретарь – Перловский. Я сказал, что поступил в аспирантуру. Они меня поздравили. Я почувствовал, что они не совсем понимают суть вопроса.

– В очную аспирантуру, – добавил я.

– Да как же так! Мы думали, ты заочно поступаешь! А кто работать-то будет? – набросились на меня оба.

– А что бы я делал после объединения районов? – защищался я.

– Без работы бы не остался, – сказал Подгузов. – Но если уж так, иди, грызи науку!

Во время обучения в аспирантуре я жил в Воронеже у родителей, а Оля с сыном остались в Рамони, так как супруга работала учителем истории в средней школе. В аспирантуре тогда была строгая дисциплина. Надо было каждый день ходить на учебу, и в Рамонь я ездил только на выходные. Работать и даже вести семинарские занятия запрещалось. Два раза в неделю были обязательные занятия по немецкому языку для подготовки к кандидатскому экзамену (в группах по 5 человек), надо было посещать и конспектировать лекции профессора Н.И. Алпатова, который стал моим научным руководителем, выполнять многочисленные кафедральные поручения. Штудировал труды классиков педагогической мысли, знакомился с новинками методической литературы.

Педагогический институт шефствовал над пригородным поездом Воронеж – Графская. Один раз в две недели я выполнял довольно обременен-

тельное партийное задание. Садился в этот поезд и обращался к пассажирам с просьбой прослушать мою короткую лекцию о международном положении или внутренней политике партии. После моего выступления группа студентов исполняла под гармонь две-три песни. Затем переходили в следующий вагон и так до конечной станции, где бригадир поезда ставил печать в документ, подтверждающий подлинность наших концертов. Такое было время.

За год я сдал экзамены кандидатского минимума и подготовил проект будущей диссертации. Посоветовавшись с научным руководителем, я избрал близкую мне тему о перспективе, так как по этой проблеме у меня уже было собрано много опытно-экспериментального материала.

К сожалению, 5 октября 1963 года профессор Н.И. Алпатов неожиданно умер от инсульта. Ему было всего 57 лет. Мне предложили перейти на кафедру философии, но я отказался. Новым научным руководителем был назначен кандидат педагогических наук Константин Иванович Васильев. Однако, проблема заключалась в том, что новый научный руководитель был специалистом по истории высшей школы, сам готовился к защите докторской диссертации и не мог оказать мне необходимой помощи. Это существенно затрудняло работу над диссертацией, но к концу второго года обучения теоретическая глава была завершена. Оставалось провести эксперимент в школе. К этому делу тогда относились очень серьезно, да и диссертации защищались несколько по-другому, и было их совсем немного.

Для постановки эксперимента я принял решение перевестись в заочную аспирантуру и попроситься вновь вернуться в школу на практическую работу. Такое разрешение через Министерство просвещения было получено, хотя и не без труда. Воронежским областным отделом народного образования по-прежнему заведовал А.П. Костин, который встретил меня приветливо. Я объяснил ему ситуацию и изложил свою просьбу. И тут удача мне улыбнулась.

– Вовремя ты пришел, – сказал Костин. – Есть вакансия директора средней школы в Новой Усмани. Это в 15 км от Воронежа. Директор школы

подал заявление об уходе – не смог справиться с женами начальников, которые работают там учителями. Пойдешь?

Я согласился. При мне Костин позвонил заведующему Новоусманским районо Курилову, спросил, не возражает ли он против моей кандидатуры на должность директора школы. Слышу – Курилов не против, мы были с ним хорошо знакомы.

Я отправился на автобусную остановку и вскоре был в кабинете И.В. Курилова. Он спросил меня, зачем я хочу вернуться в школу. Объяснил, что нужно провести эксперимент по теме диссертации. Мы пошли с ним к второму секретарю райкома партии Вавакину. Посмеялись, вспомнив нашу предыдущую встречу на реке после подписания договора о сотрудничестве. Вавакин предложение облоно одобрил. Подготовили представление о назначении, и я поехал в Воронеж.

В этот же день я получил на руки приказ облоно. Не было тогда ни электронного документооборота, ни компьютеров, ни факсов, ни мобильных, но вопросы решались гораздо оперативнее. Так, в августе 1964 г., я стал директором Новоусманской средней школы.

ГЛАВА 6. НОВАЯ УСМАНЬ.

Прибыв к месту нового назначения, пришел к председателю райисполкома Исаенко Павлу Григорьевичу. Встретил он меня радушно, уже зная о моем назначении:

– Моя супруга тоже историк, как и Вы, – сказал он. – Вот только с квартирой придется подождать, но все образуется.

После разговора с Исаенко, я направился к заведующему району Курилову, которому вручил приказ о моем назначении, после чего пошел принимать школу. Она располагалась в центре села рядом с районным отделом внутренних дел. Недалеко от школы была автобусная остановка. Школьный забор был из добротного кирпича – раньше на месте школы стояла церковь, её разрушили в 20-е годы, а забор сохранился. По всему периметру забора росли высоченные липы. Школа была двухэтажная.

Поднялся на второй этаж и встретил прежнего директора – спокойного высокого человека лет 45.

– Надоело работать под окном государевым, – объяснил он причину своего увольнения. – С одной стороны школы – райисполком, с другой – районо, а внутри – жены их руководителей. Да и жил все время на съемной квартире у старушки. Поеду домой!

Школа была довольно крупной и по сегодняшним меркам: 860 учащихся, 65 учителей. В числе последних – жены секретарей райкома, председателя райисполкома, начальника милиции, районного судьи и т. д. Всего таких начальствующих супругов я насчитал 17 человек. Да, видимо, не просто было директору управляться с ними. Сдал он мне школу и уехал. Остался я один на один с этим беспокойным хозяйством. Таким большим коллективом мне еще не приходилось руководить.

Школе принадлежали 2 автомобиля ЗИЛ-150, 2 трактора и лошадь. При школе был организован интернат на 35 детей. На пришкольном участке, который был в образцовом порядке, меня удивило изобилие цветов – розы, ге-

оргины, флоксы, хризантемы. Цветы лейкой поливала женщина лет 40, как выяснилось, учитель химии.

– Почему же на школьном дворе нет цветов, если здесь их великое множество? – удивился я.

– Боимся, что порвут.

– Приучать надо, чтобы не рвали! К тому же петунии и львиный зев вряд ли подойдут для букетов, и надо засаживать ими школьный двор.

На следующий год я так и сделал. Теперь цветы с раннего лета до поздней осени украшали двор школы.

Ночевать я ездил к родителям в Воронеж, а к 8-30 уже был в школе. По воскресеньям ездил в Рамонь к жене и сыну. Познакомился со своими заместителями: по учебной работе – Николай Федорович Минаков, по производственному обучению – Николай Алексеевич Медведев, по воспитательной работе – Нина Григорьевна Мистюкова. Все они оказались моими настоящими помощниками и друзьями на протяжении четырех лет руководства школой.

Минаков частенько подшучивал над Медведевым:

– Пойди, расскажи деткам о своем героическом прошлом!

Дело в том, что Медведев был 1927 года рождения и когда его призвали в армию, война закончилась. Однако он считался участником Великой Отечественной войны со всеми полагающимися льготами и медалями, хотя на самом деле не воевал.

Перед началом учебного года я собрал педагогический совет школы. Несколько слов сказал о себе. За плечами были уже и школа, и районо, и аспирантура, т.е. было, что сказать. Затем подчеркнул, что в целях успешного воспитания и обучения следует всему коллективу работать над единой темой. В этом плане я предложил перспективу в жизни и деятельности школьников как средство воспитания и тезисно изложил свою программу. Начинать надо с себя, т.е. с теоретической подготовки к решению данной проблемы. Надо связывать перспективу, рассматривая ее как педагогическое средство воспи-

тания, с теми психологическими явлениями, которые стимулируют деятельность школьников, оказывая влияние на их чувства и эмоции.

Перспектива, воздействуя на личность подростка, дает возможность даже неинтересную работу сделать увлекательной, наполнить новым содержанием, изменить мотивы труда. Мы должны постоянно обращать внимание на органическую зависимость и взаимосвязь между перспективой и мотивом деятельности. Процесс осуществления перспективы положительно влияет на мотив деятельности школьника и, наоборот, нравственное содержание мотивов помогает в реализации намеченной перспективы.

Нельзя забывать и об эстетической стороне перспективы. К. Маркс подчеркивал, что «люди творят не только по законам материальной необходимости, но и по законам красоты». Мало научить школьников рассуждать о труде и писать сочинения, воспевающие трудовые подвиги. Самое главное – раскрыть прелесть труда в самой деятельности, чтобы учащиеся почувствовали внутреннюю потребность в труде, ощутили его красоту.

Осуществление намеченной перспективы зависит от того, насколько она стала внутренней потребностью ее исполнителей. Продуманная система перспективных линий, учет имеющихся у подростков положительных мотивов и потребностей способны создать у него такие новые мотивы, которые будут содействовать воспитанию нравственно-ценных потребностей.

Как писал выдающийся педагог А.С. Макаренко, «воспитать человека – это значит воспитать у него перспективные пути. Программа имеет великое значение в жизни человека. Даже самый никчемный человечик, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, оврагами, болотами и кочками, а пусть и самую скромную перспективу – дорожки или дороги с поворотами, мостиками и столбиками – начинает и себя раскладывать по определенным этапам, веселее смотреть вперед, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной: то левая сторона, то правая, то ближе к

дороге, то дальше. Мы сознательно рассчитывали на великое значение всякой перспективности»¹.

В то же время, не всякая перспектива, выдвинутая перед школьниками, может стать для них радостью. Иногда они могут не понять ее и отнестись к ней равнодушно. Это происходит в тех случаях, когда учащиеся внутренне не подготовлены к выдвигаемым перспективам. А.С. Макаренко большое внимание уделял перспективному минимуму, считая, что защищенность ребенка от самодурства и произвола взрослых, приветливость и простота в отношениях во многом способствуют внутренней подготовке учащихся к выдвигаемым перспективам. Всякую работу с детьми должны разбивать на этапы, от близкой перспективы - к средней, а затем и далекой.

Обращаясь к своим новым коллегам, я сказал:

– У нас с вами работа упрощается. В 1966 году Новоусманская средняя школа отмечает 125 лет со дня основания. Для нас этот праздник – великая перспектива. Именно на этой основе каждому классу строить близкие и средние перспективы и посвящать празднику свои успехи по всем направлениям!

Мое выступление поддержала заместитель по воспитательной работе Нина Григорьевна, которая, как и я, была аспиранткой кафедры педагогики и психологии Воронежского педагогического института. Супруга председателя райисполкома Зинаида Андреевна Исаенко сказала, что такой праздник – большой подарок в плане организации работы с детьми. Так перспектива взяла старт.

На следующее утро Нина Григорьевна постучалась в мой кабинет:

– Евгений Вячеславович! Я всю ночь не спала! Такого педагогического совета у нас никогда не было. Так считаю не только я, но и все учителя, с которыми я встречалась.

В кабинете у меня находился секретарь партийной организации школы Иван Васильевич Цыков.

¹ Макаренко А.С. Собр. соч. – Т.1. – М., 1954. – С. 531.

– Действительно, педагогический совет прошел на уровне, – подтвердил он. – И Ваш доклад впечатлил нас.

– Спасибо, конечно, – ответил я, – но главное, держать все время руку на пульсе реализации этой идеи.

И.В. Цыков попросил меня поделиться мнением о школе.

– Материальная база, в целом, достаточная для проведения занятий, но школа нуждается в пристройке, так как учебных площадей маловато. Нужен хороший спортивный зал – об этом буду говорить с председателем райисполкома. А вот туалеты во дворе, да еще для такого количества школьников произвели удручающее впечатление. Это я в укор никому не ставлю, но это беда всех сельских школ России, даже в районных центрах!

Пишу эти строки и вспоминаю, как в начале 80-х гг., уже работая проректором Белгородского педагогического института, сопровождал в одну из средних школ Шебекинского района вице-президента Академии педагогических наук доктора биологических наук, профессора Антонину Георгиевну Хрипкову.

Школу для визита высокой гостьи, естественно, выбрали одну из лучших. Заканчивался февраль. «Волга» подъехала к школе, директор выбежал встречать и повел нас к крыльцу.

– Где здесь у вас туалет? – спросила Антонина Георгиевна.

Директор вначале опешил, а потом повел ее к уличному туалету. Антонине Георгиевне было уже за шестьдесят, и добраться до туалета она не смогла из-за распутицы. Молча, не заходя в школу, она пошла к машине.

С А.Г. Хрипковой – выдающимся организатором педагогической науки, кстати, здравствующей и сегодня, я встречался трижды. Об этих встречах мне хотелось бы рассказать, потому что связаны они были с важными событиями в моей жизни.

Первый раз мне довелось увидеть Антонину Георгиевну, когда утверждали в Москве тему моей так и не защищенной докторской диссертации «Управление процессом нравственного воспитания старших школьников». В

советское время темы докторских диссертаций по педагогике утверждал Президиум Академии педагогических наук СССР, а не Ученый совет вуза, как сейчас. Заявитель должен был не только представить реферат будущей диссертации и список научных трудов по проблеме исследования, но и присутствовать лично.

Присутствовавшая на заседании Президиума А.Г. Хрипкова строго спросила меня:

– Вы что, собираетесь управлять людьми?

– Не людьми, а их воспитанием и развитием, – возразил я.

Надо отметить, что в то время кибернетическое понятие «управление» не всеми принималось в педагогике. Целый ряд педагогов и психологов вообще отрицали управление в воспитании, оставляя, в лучшем случае, решение этого вопроса лишь в школоведческом плане.

Я продолжил:

– Воспитание предполагает цель, анализ исходного состояния личности, выбор методов и средств и в обязательном порядке – получение обратной связи. Это атрибуты любой кибернетической системы. Вместе с тем, не всякий целенаправленный процесс надо считать управлением в воспитании. Его управленческая функция определяется мерой обратного адекватного отношения субъекта к внешним воздействиям, что находит свое отражение в деятельности и ее мотивировке. Назначение управления и его диалектика заключаются в единении процессов воспитания и самовоспитания.

Уже тогда я понимал, что управление воспитанием – комплексная проблема, требующая соответствующего комплексного подхода. Управление нравственным воспитанием предполагает деятельность, которая отвечает как требованиям общества, так и потребностям самой личности. Одним из оптимальных средств, стимулирующих деятельность и способствующих переводу внешних требований во внутренние, является перспектива.

Проблемой этой я владел хорошо. Еще раньше, в 1974 году, мной были опубликованы в курском издательстве монография «Теория управления про-

цессом нравственного воспитания» и целый ряд учебных пособий. Поэтому председательствующий на заседании вице-президент Академии педагогических наук СССР Юрий Константинович Бабанский поддержал меня и предложил тему утвердить.

Ю.К. Бабанский с 1969 по 1975 г. был заведующим кафедрой педагогики Ростовского педагогического института. В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Оптимизация процесса обучения», и в том же году на общем собрании Академии педагогических наук СССР Ю.К. Бабанский избран ее действительным членом, а в 1979 г. – вице-президентом АПН СССР.

Ю.К. Бабанский был разработчиком теории оптимизации учебно-воспитательного процесса и активным сторонником комплексного подхода, считал его одним из основных принципов воспитания, в результате которого реализуются одновременно три функции: целостного решения всех задач воспитания и преодоления функционализма в воспитательной работе, повышения эффективности воспитательного процесса и оптимизации воспитания. Основными компонентами воспитательного процесса он называл цель и задачи воспитания, содержание воспитания, его методы, формы организации и анализ результатов.

Ю.К. Бабанский неоднократно отмечал, что, как всякая научная теория, оптимизация педагогического процесса возникла под влиянием практики: преодоления неуспеваемости, необходимости интенсификации и снятия учебных перегрузок в процессе перехода к новому учебному содержанию. Необходимо стремиться к устранению методических недостатков (увлеченность каким-либо одним методом), исключению формализма в оценке результатов труда учителя и качества успеваемости.

Под оптимизацией учебно-воспитательного процесса в современной школе Ю.К. Бабанский подразумевал выбор такой методики его проведения, которая позволяет получить наибольшие результаты при минимально необходимых затратах времени и усилий учащихся.

С Юрием Константиновичем я встречался неоднократно и в Белгороде, и в Москве, в Академии педагогических наук. В мае 1979 года на базе Белгородского педагогического института Министерство просвещения РСФСР проводило Всероссийское координационное совещание руководителей высших учебных заведений «Улучшение подготовки будущих учителей к воспитательной работе в школе». Я был одним из редакторов сборника материалов конференции. Ю.К. Бабанский предложил, чтобы его доклад размножили для всех участников конференции.

В 1984 году мы вместе с ректором пединститута Петром Григорьевичем Коняевым, который сейчас возглавляет Совет ветеранов университета, встречались с Ю.К. Бабанским в академии педагогических наук и он подарил нам свой фундаментальный труд «Оптимизация учебно-воспитательного процесса». Юрий Константинович запомнился мне как чрезвычайно скромный и очень доброжелательный человек, всегда с готовностью приходивший на помощь людям. Почему-то чаще всего мы начинаем понимать значимость личности человека, когда его уже нет с нами. Юрий Константинович рано ушел из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж.

Написанная мной впоследствии докторская диссертация обсуждалась в 1990 году на проблемном совете Киевского государственного университета и получила одобрение, но защитить ее мне не довелось. Начались смутные времена, распался Советский Союз, а Киев стал столицей независимой Украины. Но это уже другая история.

Второй раз я встретился с А.Г. Хрипковой 16 ноября 1982 года на заседании Совета АПН СССР по координации научных исследований. Меня пригласили для отчета о работе по сельским школам-комплексам как руководителя этой темы и проректора по научной работе Белгородского пединститута. Совет возглавляла Антонина Георгиевна.

В те годы в Белгородской области получили широкое распространение сельские школы – учебно-воспитательные комплексы, которые стали базой для формирования всесторонне развитой личности. При сельских школах со-

здавались соответствующие социальные институты воспитания (музыкальные, спортивные, хореографические, технического творчества, изостудии и т. д.). Сельская школа становилась эпицентром управления воспитанием молодежи. Учащийся был связан со школой весь день. Тем самым значительно был сужен круг стихийных негативных воздействий на подрастающее поколение, обеспечивалось целостное формирование личности человека.

Финансовую поддержку этой идеи оказывали совхозы и колхозы, на территории которых располагались школы. Организация всей работы возлагалась на Белгородский областной отдел образования, возглавляемый Иваном Стефановичем Соловецким. Сегодня Иван Стефанович – Почетный гражданин Белгородской области, руководит региональным отделением Союза пенсионеров.

Направляющую роль, как тогда было принято, выполнял областной комитет КПСС, первым секретарем которого был Михаил Петрович Трунов, ставший не просто сторонником развития школ-комплексов на Белгородчине, а его настоящим локомотивом. Его дело продолжили первый секретарь обкома КПСС Алексей Филиппович Пономарев, глава администрации Белгородской области Евгений Степанович Савченко². Научное обеспечение опыта было возложено на НИИ школ Министерства просвещения РСФСР и Белгородский государственный педагогический институт.

Исследование проводилось на базе целого ряда школ: Бессоновской, Бехтеевской, Веселолопанской, Новотаволжанской, Яснозоренской. Были задействованы многие кафедры педагогического института: педагогики, психологии, начального обучения, политической экономии, теоретических основ физического воспитания, ботаники, анатомии и физиологии, литературы.

В соответствии с программой и календарным планом, исследование проводилось в три этапа, первый из которых (1981-1983 гг.) включал изуче-

² См.: Савченко Е.С. Белгородские школы-комплексы: шаг в будущее// Учебно-воспитательные комплексы – новый тип школы XXI века. Под ред. И.Ф.Исаева, Е.В. Тонкова.– Белгород, 2001.

ние проблемы, проведение экспериментальной работы, изучение опыта, подготовку статей, проведении научно-практической конференции.

Мой отчет был посвящен прохождению первого этапа. На отчете вместе со мной присутствовал доцент кафедры педагогики Августевич Илья Иосифович, который являлся заместителем руководителя группы исследователей. Следует отметить, что преимущества школ-комплексов в организации жизнедеятельности детей, социализации личности обоснованы и теорией, и практикой. Теоретические и методические предпосылки организации школ-комплексов были заложены в исследованиях С. Т. Шацкого и В. А. Сухомлинского по выявлению форм взаимодействия школы с социальной средой, путей расширения сферы деятельности учащихся.

Возникновение учебно-воспитательных комплексов было продиктовано необходимостью восстановления социальной справедливости по отношению к сельским школам. К началу 70-х годов все очевиднее проявлялось отставание деревни от города в сфере образования. Если в городах строились Дома пионеров и Дворцы культуры, открывались различные кружки и студии, оборудовались прекрасные спортивные залы, то в сельской местности дети были лишены всего этого.

Во многом именно это побудило педагогов Белгородчины заняться поиском новой, прогрессивной формы организации обучения и воспитания подрастающего поколения на селе. Решить проблему могла только школа, которая имела возможность работать в едином режиме с внешкольными учреждениями музыкальной, художественной, спортивной или другого вида направленности. Превратить школу в центр организации работы с детьми в свободное от занятий время, усилить её влияние на повышение культуры села, создать условия для обучения и развития ребят не хуже, чем в городе — такова цель учебно-воспитательных комплексов. Для создания школ нового типа требовались материальные и нравственные затраты. Нужны были энтузиасты не только среди педагогов.

Первым взялся за новое дело председатель прославленного колхоза имени М. В. Фрунзе Василий Яковлевич Горин, дважды Герой Социалистического Труда. Бессоновская школа-комплекс создавалась на средства специализированного хозяйства и при активном участии всех односельчан.

Набирал силу и Яснозоренский учебно-воспитательный комплекс, директором которого был Михаил Петрович Щетинин. Создавались музыкальные, спортивные школы и совсем необычные для села художественные и хореографические студии, о которых заговорили по всей области, их опыт работы стали перенимать школы других регионов страны. За первопроходцами потянулись педагоги-новаторы Белгородчины.

В разных районах области стали появляться новые школы-комплексы: Никольская, Майская, Бемянская, Новотаволжанская, Городищенская сельские школы. В них, наряду с изучением общеобразовательных предметов, дети получали возможность заниматься в музыкальных и технических кружках, спортивных секциях, художественных и хореографических студиях. В школьных программах появились новые предметы, направленные на развитие общей культуры сельских ребят, расширение их кругозора: мировая художественная культура, этика и этикет, логика, основы народного и декоративно-прикладного искусства, речь и культура общения и другие.

Опыт Белгородской области по комплексному подходу в обучении и воспитании учащейся молодежи в декабре 1978 года был одобрен коллегиями министерств просвещения, культуры, сельского хозяйства Российской Федерации и Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров РСФСР. Он нашел отражение на Выставке достижений народного хозяйства СССР в специальной экспозиции, открытой в октябре 1981 года. В те годы Белгородская область многократно отмечалась как лучшая в стране по развитию образования и награждалась переходящими знаменами Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, три из которых были вручены на вечное хранение и находятся ныне в Белгородском государственном историко-краеведческом музее.

Настоящим подвижником стал директор Шелаевской средней школы Валуевского района Василий Савельевич Подерягин. В этой школе он начал работать в 1965 году, в 1980 году был назначен директором. За годы руководства коллективом он создал в школе атмосферу творчества, постоянного поиска эффективных форм учебно-воспитательного процесса. В своей работе с учителями и учащимися В. С. Подерягин и сейчас опирается на глубокие знания социальной и личностной психологии. Большое значение придает он кропотливой работе с каждым педагогом, формированию коллектива единомышленников. За многолетний добросовестный труд Василию Савельевичу Подерягину присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР» и «Народный учитель СССР».

К сожалению, трансформация нашего общества не могла не сказаться на деятельности школ-комплексов. Большинство из них не смогло приспособиться к новым условиям, связанным с рыночной экономикой, из-за прекращения финансовой поддержки со стороны колхозов и совхозов, которые, за редким исключением, перестали функционировать.

Другая причина связана с тем, что оказались непонятными цели воспитания, которые определяли деятельность школ-комплексов. Стала муссироваться идея о том, что задача школы – обучение, а воспитанием должны заниматься семья и церковь.

Ряд школ-комплексов выдержал проверку временем, расширил педагогическое пространство, включив в свои структурные подразделения музеи, библиотеки, Дома культуры, спортивно-оздоровительные учреждения. Такие школы преобразовались в социокультурные комплексы, цель которых – вовлечение не только детей, но и взрослых в образовательный процесс, помощь в социально-профессиональном самоопределении, организации культурного досуга.

Благодаря школам-комплексам был накоплен богатый опыт, на основе которого можно выстраивать воспитательные системы, исходя из сложив-

шихся экономических условий, социального окружения, педагогических кадров, материально-технической базы, а они везде не равнозначны.

Третий раз я встретился с Антониной Георгиевной Хрипковой на съезде Педагогического общества России, Центральный совет которого она возглавляла. Педагогическое общество России – одна из старейших общественных организаций – было учреждено еще 27 января 1869 г. императорским указом. Общество ставило своей задачей объединение педагогов для разработки основных проблем образования силами прогрессивной педагогической общественности. Длительное время его возглавляла Н.К. Крупская. В 1936 г. оно было закрыто и возобновило работу только в 1960 г.

Белгородское областное отделение Педагогического общества России было создано 12 февраля 1961 года решением исполкома областного Совета народных депутатов. Оно объединяло в своих рядах свыше 12 тысяч учителей, преподавателей вузов и техникумов. Несколько промышленных предприятий Белгорода стали его коллективными членами. Во всех школах области, педагогическом институте и педагогическом училище функционировали первичные организации. В рамках общества на правах секции успешно работала общественная лаборатория по проблемам учебно-воспитательных комплексов.

В 90-е годы Педагогическое общество стало распадаться. Ликвидировались первичные организации, перестали поступать членские взносы. Центральный совет Педобщества занялся коммерческой деятельностью – изданием и реализацией литературы. В таком состоянии Педагогическое общество не могло не только работать, но и существовать. Надо было принимать меры по его возрождению. Однако мои неоднократные обращения в департамент образования областной администрации, выступления в печати не дали положительных результатов, и областное отделение Педагогического общества приказало долго жить.

Но вернемся к Новоусманской средней школе. 1 сентября 1964 г. я впервые в качестве нового директора произносил традиционную привет-

ственную речь, в которой обозначил наши приоритетные задачи по подготовке к 125-летнему юбилею школы. На торжественной линейке, где выстроились 887 учащихся (только выпускных «десятых» классов было три и четыре «первых»), присутствовал и директор Воронежского института усовершенствования учителей, которого направил заведующий облоно А.П. Костин, чтобы провести «разведку» насчет затеваемого мной педагогического эксперимента. Я вкратце ввел его в курс дела и пояснил: эксперимент нужен для того, чтобы через различные виды деятельности перспективного характера способствовать нравственному развитию учащихся.

Наш гость заинтересовался моей идеей и предложил, чтобы Новоусманская школа стала экспериментальной площадкой представляемого им института.

– Мы включим вас в план работы и будем оказывать методическую помощь, – заключил он.

К вечеру я подвел итоги первого дня занятий с заместителями и классными руководителями и отправился на автобусе ночевать к родителям в Воронеж. А в 8 утра уже опять был в школе. Так потянулись трудовые будни. Добрым отношением ко мне проникся пенсионер Переславцев Иван Федорович, который часто заходил и переживал, что у меня нет в Новой Усмани жилья. Когда я сказал, что будем оборудовать уголок Боевой славы, посвященный героям Великой Отечественной войны, он одним из первых стал приносить туда экспонаты: письма солдат с фронта, фотографии т. д. Вскоре в эту работу включилась вся школа.

Мы, тем временем, продумывали программу перспективной деятельности в соответствии с возрастом школьников и наметили план проведения семинаров для классных руководителей и учителей по общешкольной теме. Стали вырисовываться более узкие направления, например, как через перспективу организовать ответственное отношение к труду.

Прежде чем организовывать с учениками деятельность, направленную на воспитание, нам с учителями надо было выяснить, какую организацию деятельности можно считать воспитанием. Этим вопросам были посвящены первые семинарские занятия. Мы пришли к выводу, что *воспитанием можно считать только такую деятельность, которая направлена на формирование нравственных качеств личности* и обратное отношение к этой деятельности, проявляющееся в соответствующих поступках и их мотивациях. Именно от такого понимания воспитания надо отталкиваться, планируя работу с детьми.

Необходимо было организовать и работу с родителями, чтобы они становились нашими помощниками в этом трудном деле воспитания. Организовали школу для родителей по аналогии с той, которая была у В.А. Сухомлинского в Павлышской средней школе. Занятия в ней проводились два раза в месяц. Ее работу курировала мой заместитель по воспитательной работе Мистюкова Нина Григорьевна.

С заместителем директора школы по производственному обучению А.Н. Медведевым была разработана программа, предусматривающая полезность продукции, в частности, изготовление деталей по заказам машинно-тракторных станций, а также столярных изделий. В школе была хорошая мастерская с металлорежущими и деревообрабатывающими станками. Учителя трудового обучения были мастерами высокой квалификации.

Кроме того, я договорился с известным всей стране бригадиром-кукурузоводом, Героем Социалистического Труда Николаем Федоровичем Мануковским о включении в состав его бригады наших учащихся. Ребята управляли и трактором, и комбайном, и автомобилем. Было понятно, какой мощный нравственный заряд закладывался в сознание ребят в процессе совместной деятельности со знаменитым бригадиром!

Таким образом, первая задача в воспитательной работе с учащимися – поставить их в такую ситуацию, которая помогла бы создать условия для проявления ими активного отношения к делу.

Вторая задача – придать нравственный смысл деятельности, в каких бы видах труда она не осуществлялась. Так, например, во время работы производственной бригады школы по заданию местного колхоза ребята изучали сортовые качества сельскохозяйственных культур, влияние удобрений на урожай.

Естественно, подобная деятельность является привлекательной, т. к. в ее процессе ученики ясно представляют важность труда, у них формируются целенаправленность, инициатива и творческий подход. Перспектива придавала эстетическую окраску всей работе, способствовала развитию чувства прекрасного.

В Новоусманской школе были просторные теплицы. Посоветовавшись с учителями биологии и завучем по воспитательной работе Ниной Григорьевной, мы решили использовать теплицы не только в учебных, но и в воспитательных целях. Для нас было важным находить те способы работы, которые бы приобщали личность каждого и коллектив к нравственным перспективам. Парник разбили на две части. В одной части, после совместного обсуждения с учащимися, решили выращивать зеленый лук, а в другой - зеленую подкормку для телят колхозной фермы, которые в зимний период нуждаются в витаминах.

К радости ребят и их удивлению растения быстро стали набирать высоту. Зелень на школьной лошади отвозили на ферму, а лук отдавали в школьный буфет и на кухню интерната. Снабжали им и районную столовую. Правление колхоза за снабжение телят зеленой подкормкой своим решением выделило небольшие денежные средства для поощрения ученической бригады.

Перед школьниками была поставлена альтернатива – как распорядиться деньгами? Коллективно решили выделить часть средств для нужд школы, а оставшиеся деньги распределить между ребятами. Такое решение, принятое без подсказки и нажима взрослых, уже показывало развитие нравственной зрелости школьников, которая, несомненно, связана с творческой деятельностью. Это была одна из тех ситуаций, которые формируют нравственность.

В Новоусманской школе был сформирован мощный комсомольский актив, с помощью которого решались многие трудовые дела. По моему совету комсомольская организация стала вести свою сберегательную книжку. По решению комитета комсомола она была оформлена на секретаря, а все заработанные комсомольцами денежные средства перечислялись на эту книжку. Расходование средств осуществлялось общим решением комсомольского собрания. В частности, на эти средства были приобретены музыкальные инструменты для школьного духового оркестра. Уже через несколько месяцев оркестр бодро играл революционную песню «Смело, товарищи, в ногу», с которой мы выходили на праздники.

При постановке целей надо исходить не только из необходимости удовлетворения многочисленных потребностей учащихся, но и из объективных возможностей их реализации, поскольку имеющиеся фактические условия предоставляют возможность поставить и реализовать только ограниченные цели. Человеческая деятельность, как всякое явление действительности, имеет свои объяснимые причины, которые иницируют деятельность не непосредственно, а через целеполагание, через постановку цели.

Важное значение для понимания ценностного значения потребностей и интересов представляют исследования, затрагивающие различные аспекты категории «ценность» (Н.Ф. Добрынин, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн), которые обсуждались нами на педагогических семинарах с классными руководителями.

В декабре 1964 года я зашел к председателю райисполкома П.Г. Исаенко и стал убеждать его в необходимости строительства спортивного зала и пристройки к школе из-за недостатка учебных площадей. Одновременно поднял вопрос и о собственном жилье – ведь жена с сыном так и проживали в Рамони, а я каждый день ездил ночевать к родителям в Воронеж. Все жители поселка знали, что недалеко от школы построен двухэтажный четырехквартирный дом. Однако Павел Григорьевич предложил мне потерпеть, т.к. дом возводился для сотрудников районного комитета партии.

Тем не менее, обо мне не забыли и в марте 1965 года вручили ключи от квартиры на втором этаже трехподъездного дома на улице Березовской, откуда выселился сотрудник райкома КПСС, переехав в тот самый «престижный» дом. Квартира была двухкомнатной, но удобства, как водилось, во дворе. Водопровод был, но без водостока – сэкономили при строительстве, как оказалось. Ну, хоть за водой ходить не надо. Была газовая плита, работавшая от кислородного баллона, паровое отопление. В общем, жить можно, бывало и хуже. Особенно, когда вспоминаешь Солнце-Дубраво.

Удивительно поэтому, сегодня читать, что молодым учителям, готовым поехать работать в сельские школы хотя бы на три года, администрация области выплачивает 300 тысяч рублей. Мы об этом и мечтать не могли, а отправлялись работать в село, как говорится, по зову сердца.

Позвонил своему коллеге – директору Рамонской школы В.В. Коротину. Попросил передать моей жене, что получил квартиру и через три дня приеду. В субботу на школьной грузовой машине приехал за семьей в Рамонь. Радости нашей не было предела – наконец-то будем вместе!

Быстро погрузили вещи (тогда их было совсем немного), овчарку Барса, не забыли и кошку. Тепло попрощались с соседями и в путь – через Воронеж на Новую Усмань. Новой квартирой мои домочадцы оказались довольны. Больше всех восхищалась теща, Мария Федоровна, паровым отоплением, глядя на чугунные батареи – топить не надо!

Не понравилось только Барсу. Ему было жарко, и он грустно лежал у входной двери, высунув язык.

– Будку ставить негде, – сказал я ему. – Если хочешь, закрою в сарае!

Надо отметить, что руководители района тоже жили достаточно скромно. Помню, как-то в выходной день шли мы с Олей домой мимо дома председателя райисполкома. Жил он в небольшом одноэтажном доме, которые почему-то называли «финскими». Таких вдоль улицы в ряд стояло несколько. Огорожен был дом деревянным невысоким штакетником. Во дворе, у всех на виду, восседал на маленьком стульчике сам Павел Григорьевич, отложив в

сторону протез (он был без одной ноги), и перебирал картошку. Поздоровались. Оля сказала:

– Бог в помощь!

– Бог – это хорошо, – ответил Павел Григорьевич, – да что-то он нам не помогает. Своей картошкой, наверное, еще не обзавелись?

Он насыпал нам ведро картошки и попросил не забыть вернуть тару.

Как-то в марте ко мне в кабинет зашел заведующий районо Иван Владимирович Курилов, человек лет шестидесяти, которого я опрометчиво уже считал старым. У нас в школе он бывал не часто, поэтому его неожиданный визит меня удивил.

– Вы всегда выступаете с какими-то новациями, – обратился он ко мне и с хитринкой посмотрел сверх очков. – Вот и меня ими заразили! У меня предложение: в августе на районном совещании учителей заслушать творческий отчет вашей школы.

– Спасибо за доверие, Иван Владимирович! Но не рановато ли?

– Ничего, справишься! Пусть другие поучатся!

Я понял, что возражать бессмысленно. После этого разговора пригласил своих заместителей и рассказал им о разговоре с Куриловым. Отступить было некуда. Поручил каждому разработать план действий по своим направлениям и обсудить на педагогическом совете.

Подготовку к творческому отчету также можно было рассматривать как этап нашего эксперимента, посвященного перспективе. Еще раньше я познакомил учителей с традиционным праздником, который проводился в Ступинской школе, «За честь школы!». Поэтому каждый классный руководитель вместе с ребятами наметил ряд ближних перспектив по подготовке к празднику. Теперь мы его запланировали на август, чтобы совместить с творческим отчетом школы.

По образному выражению В.А. Сухомлинского, «урок – первая искра, зажигающая факел любознательности и моральных убеждений»³.

³ Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М.: Педагогика, 1989. – С. 359.

– Поэтому мы должны показать, – говорил я, обращаясь к своим коллегам на педсовете, – как через урок решаются задачи воспитания.

Для выступлений на секциях творческого отчета учителя предложили такие доклады:

– по секции русского языка и литературы «Развитие умственных способностей школьников на уроках литературы и во внеклассной работе» (Минакова В.Н.); «Слияние обучения и воспитания в единый процесс» (Черноротова П.С.); «Использование краеведческого материала на уроках русского языка и литературы» (Кузьмина В.С.);

– по секции математики «Составление задач на краеведческом материале – важное средство коммунистического воспитания школьников» (Дернейко А.К.); «Индивидуализированная работа с учащимися в целях развития интереса к предмету и повышения качества знаний» (Беляева С.Н.);

– по секции истории «Воспитание любви и уважения к труду на уроках истории» (Тонкова О.Н.);

– по секции биологии и трудового обучения «Формирование нравственных мотивов труда в работе с детским коллективом» (Мистюкова Н.Г.); «Воспитание коммунистического отношения к труду в процессе непосредственного участия школьников в производстве» (Власов В.П.).

Представлены были доклады и по другим секциям. На секции директоров и завучей был намечен мой доклад «Организация работы педагогического коллектива по воспитанию у школьников коммунистического отношения к труду».

Также планировался осмотр школьных помещений, учебных кабинетов, экскурсия по залу Боевой славы. Ученическая производственная бригада должна была представить отчет о своей работе наглядно и в цифрах, отражающих ее трудовые успехи. Завершить творческий отчет надо было выступлением художественной самодеятельности учителей и учащихся.

По моему предложению, решили создать хор учителей под руководством учителя пения В.М. Нефедова. Следует отметить, что хор скоро зазвучит.

чал. Из 63 педагогов школы в него записались 45 человек, в том числе, почти все учителя-мужчины.

Наступил праздничный день 9 мая 1965 года. Страна отмечала 20-летие Победы. На сцене районного Дворца культуры выстроился коллектив хора. Все женщины – в белых блузках и черных юбках, мужчины – в строгих темных костюмах. Ведущая концерта – завуч по воспитательной работе Нина Григорьевна была одета в военную форму. В первом ряду сидело все районное начальство. Каждую песню принимали с восторгом, звучал гром аплодисментов.

Больше других выражал свои эмоции военный комиссар района:

– Ну, молодец, Тонков! Сумел всех жен начальников построить в одну шеренгу! Придется его к старшему лейтенанту представить!

И действительно, через несколько дней ко мне подошел его заместитель, подполковник Гарманов и сообщил, что меня представили к очередному воинскому званию. При этом извиняющимся тоном добавил:

– Не обижайтесь, пожалуйста, но пришлось Вас из воздушно-десантных войск перевести в мотострелковые, так как Ваш вес свыше 100 кг, а это нежелательно при прыжках с парашютом.

– А в мотострелковые можно? Я ведь в люк не влезу!

– Вы, в основном, будете на броне, – разъяснил он.

В тот день, 9 мая, перед школой состоялся митинг учащихся, посвященный Дню Победы. В рекреации школьного коридора был открыт Зал боевой славы. На стенах разместили планшеты, украшенные георгиевскими лентами, а под ними – витрины под стеклом, где хранились фотографии участников войны, треугольные письма с фронта, боевые награды, личные вещи героев и другие экспонаты.

В оформлении Зала активное участие принимали ученики моей жены Оли, которая из наиболее способных школьников подготовила экскурсоводов. Первыми посетителями Зала стал генерал из Воронежа в сопровождении военкома. Через некоторое время школу за успешную работу по военно-

патриотическому воспитанию наградили Почетной грамотой Министерства просвещения и Центрального комитета комсомола.

Осматривая экспонаты Зала боевой славы, невольно вспомнил первые месяцы войны. Уже в августе 1941 года через Воронеж, в котором я жил, потянулись вереницы беженцев – кто на повозке, кто просто вез свои пожитки на ручной тележке. В корзинке одной девочки я видел кошку. В Воронеже они не задерживались. Немного передохнув и поев каши из солдатского котла, шли на Борисоглебск, подальше от войны.

В городе создавались отряды ополченцев, в том числе, и в Воронежском педагогическом институте, из оставшихся от призыва в армию преподавателей. Мы с ребятами бегали смотреть на их военную подготовку во дворе пединститута. У каждого ополченца была учебная винтовка и сумка с противоголом. Одним из отрядов командовал профессор Загоровский Павел Сергеевич. Поправив очки, он обращался к своему отряду:

– Товарищи коллеги, пожалуйста, повернитесь налево! А теперь, будьте так любезны, шагом марш!

Пройдет одиннадцать лет, и я буду слушать его лекции по психологии в вузе.

Другим отрядом командовал настоящий сержант с треугольничками в петлицах. Он показывал приемы рукопашного боя и ловко колол штыком чучело предполагаемого фашиста. Затем к «врагу» по одному подбегали ополченцы, останавливались перед ним, раздумывая, куда бы кольнуть посильнее. Сержант сердился, и всё начиналось сначала.

Многие из ополченцев ушли потом на фронт и не вернулись. Другие были эвакуированы вместе с Воронежским пединститутом в глубь страны, в г. Уржум, где продолжилось обучение студентов. На преподавателей, имеющих ученую степень доктора или кандидата наук распространялась «бронь», т.е. даже в суровые дни войны они освобождались от армии. Государство не забывало о подготовке учительских кадров, как и других специалистов, что вселяло уверенность в нашу победу.

Да, день победы тогда был ещё далек, но его приблизили и те воины, портреты которых, их ордена и медали, письма с фронта, личные вещи разместились в Зале боевой славы.

Вспомнил 7 ноября 1941 года. Отец стоял на перроне вокзала станции Воронеж, провожая меня, сестру и мать в далекий Бийск Алтайского края. Поезд с двухъярусными теплушками медленно отходил от перрона, увозя нас от войны. В памяти остался заснеженный Бийск с крутыми морозами, доброжелательность сибиряков и ярко-желтая кайма кустов облепихи по берегам быстрой реки Бии.

От воспоминаний отвлек школьный звонок, который призывал к работе.

Изучая негативные аспекты поведения школьников (а без этого тоже не бывает), я пришел к выводу, что они, в основном, приходят на выходные дни, хотя в это время дети и находятся дома, под контролем родителей. Я пригласил к себе завуча Нину Григорьевну, старшую пионерскую вожатую Александру Кириленко, председателя комитета ВЛКСМ и председателя ученического комитета. Высказав им свои наблюдения, я предложил им организовать клуб выходного дня.

Предполагалось, чтобы школа в выходной день стала открытой с 10 утра и до 18 часов вечера. Дети могли бы играть в спортивные игры, общаться, слушать музыку, смотреть телевизор – дома их почти ни у кого тогда не было. Все согласились с моим предложением. Одного из старшеклассников приказом по школе назначили директором клуба выходного дня. Кроме того, назначались дежурные для поддержания порядка. Впоследствии клуб стал пользоваться большой популярностью среди ребят, а родители неоднократно благодарили нас за организацию досуга детей.

Но не все было так уж гладко. Однажды произошел случай, о котором не могу не рассказать. Старшая пионервожатая Александра Кириленко, выпускница педагогического училища, проживала от школы примерно в двух километрах, в селе Первая Усмань. Однажды она шла на работу с группой старшеклассников, и один из них, ученик 10 класса Крюков, разозлившись на что-то,

ударил ее по щеке. Возникла ситуация – что делать? Можно исключить из школы, можно объявить строгий выговор.

Посоветовался с заведующим районо И.В. Куриловым. Он сказал:

– Решай сам!

Я позвал потерпевшую и Крюкова. Тот стал оправдываться:

– Да я не знал, что она вожатая!

– А что, в таком случае можно бить?

Неожиданно вожатая стала просить, чтобы я простил Крюкова, мотивируя тем, что он извинился, да и она не совсем была права в их конфликте.

– Сами мы уже ничего не решим, – сказал я. – Будем рассматривать вопрос на ученическом комитете, так как Крюков – не комсомолец.

На совещании решили: Крюкова, в назидание другим, из школы исключить. Родители его приходили и ко мне, и обращались в районо, но решение наше осталось в силе. Через год Крюков принес положительную характеристику с места работы, мы зачислили его в 10 класс, и он закончил школу.

Пришла весна, а с ней и выпускные экзамены. Встретил заведующего районо:

– Ты когда будешь ремонтировать школу? – спросил он.

– Да я ремонт не планировал, школа в хорошем состоянии.

– Это что, тоже твоя новация? – усмехнулся он. – Ладно, посмотрим, когда будем принимать школу к новому учебному году.

Дело в том, что я еще раньше, в октябре, проводил в районном доме культуры родительское собрание (в школе такое количество родителей разместить было негде). Поговорил о предстоящем 125-летию школы и акцентировал внимание на бережном отношении учащихся к школе как к своему второму дому.

– Вы свои квартиры и дома разве ремонтируете каждый год? – обратился я к собравшимся. – Видимо, раз в 5-10 лет. А почему же мы должны покраской и побелкой школы заниматься ежегодно? Давайте приучать детей к

тому, чтобы они не видели разницы между бережным отношением к школе и своему дому.

Родители меня поддержали. В течение учебного года мы всем коллективом следили за состоянием школьного имущества, классных комнат, других помещений. Исчезли надписи и рисунки на партах и стенах, помещения регулярно проветривались и подвергались влажной уборке. Все ходили в сменной обуви. Когда стали подводить итоги, выяснилось, что в небольшом текущем ремонте нуждается только коридор, по которому ежедневно ходили сотни учеников.

Однажды позвонил по телефону председатель райисполкома П.Г. Исаенко:

– Тонков, Тонков, весь сурепкой зарос! – возмущенно зазвенел его тонкий голос. Со своей супругой, нашей учительницей, он часто прогуливался по улице вокруг школы и, видимо, что-то ему не понравилось.

– Не может быть, Павел Григорьевич, – не согласился я. – Весь школьный двор утопает в цветах, где Вы сурепку нашли?

– У ворот посмотри!

Пришлось идти. Действительно, у школьных ворот рос одинокий кустик желтой сурепки. Я его выдернул и пошел в кабинет.

– Сурепка уничтожена! – бодро доложил я, едва сдерживаясь от смеха.

Со временем я стал приходить к мысли о том, что у многих руководителей постепенно формируется феномен превосходства над другими людьми, которое они хотя бы в чем-то должны проявить, показать свою первосортность – смотри, знай свое место!

Впереди был отпуск, и я хотел хотя бы дней десять использовать для отдыха. Мы решили поехать на Черное море, в Феодосию, где тогда жил родной брат моего отца Владимир Алексеевич Тонков. Однако большого восторга от отдыха на море в конце июля мы не испытали. Берег не песчаный – галька. Очень жарко. Все время волновались за маленького сына – не заболел бы. Пляж был переполнен, приходилось заранее занимать места. В квартире было

так душно, что смачивали простыни холодной водой, которую водопровод выдавал с большими перебоями. Поэтому, погостив всего неделю, мы отправились обратно, чем немало удивили родственников.

Приехав домой, облегченно вздохнули и пошли на свою речку Усманку. Берег чистый, песчаный, вода прозрачная – что может быть лучше! Вспомнились слова из песни: «Не нужен нам берег турецкий и Африка нам не нужна!». Признаюсь честно, за свою долгую жизнь больше я в отпуск из дома не уезжал и очень этим доволен. Никогда не довелось побывать и в санатории – всегда считал это пустой тратой времени и сил.

Творческий отчет Новоусманской средней школы на августовском районном совещании учителей показал значительные сдвиги в нравственном росте коллектива учащихся. По всем направлениям наглядно был виден уровень развития школьников. Улучшилось и качество обучения. Из 887 учащихся 356 окончили учебный год только на «хорошо» и «отлично». Из 63 выпускников пятеро были награждены серебряными медалями.

Учителя школы на высоком научно-методическом уровне выступили со своими докладами на секциях. Участникам педагогического форума была предоставлена возможность познакомиться с творческими отчетами каждого класса, которые были представлены в районном доме культуры. Посетили и учебные кабинеты физики, химии, математики, биологии, истории и обществознания, машиноведения, русского языка и литературы. В 1965 году были созданы кабинеты иностранных языков, черчения и изобразительного искусства.

Особое внимание было приковано к выставке-отчету школьной производственной бригады, пояснения к которому давала бригадир, ученица 9 класса Тамара Боброва. По итогам 1965 года наша школа стала участницей Выставки достижений народного хозяйства в Москве, что было большим успехом всего коллектива. Творческий отчет завершился концертом художественной самодеятельности, который подготовили учащиеся и педагоги школы, а хор учителей заслужил особые аплодисменты.

Творческий отчет состоялся – об этом с одобрением говорили не только руководители района и облоно, но и самое главное – мои коллеги из других образовательных учреждений. Теперь можно было двигаться к завершающему этапу перспективы – 125-летнему юбилею школы. Об этом я сказал на торжественной линейке, посвященной началу нового 1965-66 учебного года. На этой линейке уже стоял и мой сын-первоклассник.

Я чувствовал, что и мои коллеги-учителя и школьники сильно изменились за прошедший год, стали другими, более подготовленными к решению новых задач. Наши общие усилия в реализации перспектив привели к тому, что педагогический и ученический коллективы стали, как бы вращаться на одной орбите. Работать стало и легче, и сложнее одновременно. Легче, потому что учителя и ученики без лишних слов, инструктажей и «накачек» понимали меня, а сложнее, потому что каждый почувствовал себя личностью.

Я по-прежнему вел уроки по обществознанию в 10 классе. На занятиях было так тихо, что даже становилось не по себе. Приходилось взбадривать ребят или проблемными вопросами, или физкультурной паузой. Чувствовалось, что они меня побаиваются, но и уважают. В свободную минуту я мог с ними поиграть в волейбол или футбол. В молодости я был неплохим спортсменом: поднимал гирю, играл в футбол за сборную университета, имел спортивный разряд и значок ГТО («Готов к труду и обороне» – так назывался физкультурно-спортивный комплекс, выполнить нормативы которого было довольно сложно). Встречался с ребятами и в клубе выходного дня. Школьники очень любили моего пса Барса. По вечерам я всегда приходил с ним к школе, а кот Дымок сопровождал нас.

Свои уроки я объявил открытыми, и каждый учитель мог посещать мои занятия. Как-то, в порядке эксперимента, я даже провел открытый урок по обществознанию для учителей района, преподававших этот предмет.

Приближался Новый год. На уроках домоводства и трудового обучения школьники изготавливали украшения для елки. Установили елку в актовом зале и, кроме того, украсили гирляндами высокую красавицу – ель, которая рос-

ла во дворе школы. Для старших школьников устроили танцы – прообраз современной дискотеки, которые тогда только входили в моду. Деда Мороза и Снегурочку изображали старшеклассники, а роль Нового, 1966 года, сыграл мой сын, первоклассник Женя.

Во время зимних каникул клуб выходного дня стал работать ежедневно, потому что взрослым уже 2 января надо было идти на работу – таких длительных праздничных выходных, как сейчас, тогда не было. Но я решил и учителям дать отдохнуть несколько дней.

В районный план капитального строительства на 1966 год удалось включить и пристройку к нашей школе, что вскоре стало заметно. На школьный двор завезли большие бревна, красный кирпич, другие строительные материалы.

При очередной встрече председатель райисполкома подчеркнул:

– Видишь, я сдержал слово!

– Спасибо, Павел Григорьевич, школа будет помогать в строительстве.

Для нас это новая перспективная цель к юбилею, – заверил я.

Для того, чтобы поддерживать на заданном высоком уровне качество уроков, я придерживался правила – каждый день посещать хотя бы одно учебное занятие, хотя В.А. Сухомлинский, с которого я старался во многом брать пример, посещал два. К этому же я обязывал и своих заместителей. При этом я никогда не приходил на урок внезапно, т.к. подобная практика, часто применяемая администрацией школ, нервирует педагога, нарушает ритм занятия. Напротив, заранее предупреждал о предстоящем посещении, интересовался темой урока, его целью и структурой проведения, давая возможность учителю подготовиться самому и должным образом настроить учеников. Иногда посещал несколько уроков подряд у одного учителя, чтобы иметь целостное представление о системе его работы.

К юбилею школы, который решили отмечать в феврале 1966 года, было практически все готово. За несколько дней до праздника в соответствии со своим планом посещения занятий я пошел на урок истории в 6 классе, кото-

рый вела супруга председателя райисполкома Зинаида Андреевна Исаенко. После окончания урока я приступил к его анализу. Как обычно, отметил вначале положительные стороны, в том числе хорошее знание учащимися учебного материала, а затем посоветовал применять активную методику проверки знаний, чтобы в опросе участвовал весь класс, чтобы каждый мог поправить опрашиваемого или дополнить его ответ. Она меня поблагодарила, и мы довольно приветливо попрощались. Ничто будто бы не предвещало беды.

Однако уже на следующее утро мне позвонил ее начальствующий супруг и пригласил в райисполком.

– Знаешь, Тонков, – сухо обратился Павел Григорьевич ко мне. – Вот у меня сборник правительственных документов – один из них об упорядочении проведения юбилеев в организациях и учреждениях. В нем говорится, что юбилеи проводятся по строго отведенным датам: 50, 100, 150 и далее лет. Как же Вы планируете праздновать юбилей в нарушение правительственного постановления?

– Спасибо за разъяснение, – ответил я, едва сдерживаясь от волнения.

– Для меня это хороший урок, хотя о предстоящем юбилее нашей школы говорили даже по всесоюзному радио. Вы не будете возражать, если вместо юбилейных торжеств, мы проведем просто вечер, посвященный 125-летию образования школы?

– Пожалуйста, – криво усмехнулся он. Видимо, посчитал свою задачу выполненной: поставил на место директора школы, посмеявшегося контролировать работу его супруги.

Много лет спустя, подводя итоги своей трудовой деятельности, я отметил, что за долгие годы работы на ответственных и хлопотных должностях на меня не поступило ни одной официальной жалобы в инстанции. Я пришел к выводу, что самой лучшей школой, практически Дипломатической академией, стала для меня Новая Усмань, когда у меня в подчинении были 17 учительниц – жен руководителей различного уровня, и со всеми было жизненно необходимо наладить ровные бесконфликтные отношения.

Вернулся от П.Г. Исаенко, позвал своих заместителей и рассказал о сложившейся ситуации.

– Надо сокращать программу мероприятий, менять сценарий, переделывать пригласительные билеты, которые уже разосланы, – озадачил их я.

Тем не менее, решил на свой страх и риск, сходить в райком КПСС, первым секретарем которого был Иван Максимович Зюзин, недавно назначенный из другого района и пока что к школе интереса не проявлявший, несмотря на то, что жена его работала у нас учителем.

Не вдаваясь в подробности разговора с П.Г. Исаенко, пригласил секретаря райкома на вечер, посвященный 125-летию со дня образования учебного заведения.

– А где собираетесь проводить? – спросил он.

– В школе, – скромно ответил я, – хотя лучше было бы в Доме культуры района.

– Вот там и проводите! – дал указание секретарь. – Пусть народ знает о вашем празднике. А я постараюсь обязательно придти!

Таким образом, ситуация, в казалось бы, проигранной партии, выправилась и, воодушевленный этим поворотом событий, я поспешил в школу.

6 февраля 1966 года весь коллектив школы под знаменем и под торжественные марши, исполняемые школьным духовым оркестром, направился к районному Дому культуры. Иван Максимович Зюзин сдержал слово и не только пришел на праздник, но и выступил с приветственной речью. Сделал доклад и я, в котором рассказал о достигнутых школой успехах. Наши достижения были представлены и на стендах, которые мы разместили в фойе. Как всегда, блестяще выступили наши участники художественной самодеятельности.

Радости моей не было предела! Все, о чем я мечтал, осуществилось! Перспектива реализована, запланированная цель достигнута. Можно было бы и отдохнуть. Дальше школа могла продолжать движение по инерции, но это опасный путь. Маховик движения в какое-то время начинает замедляться, а

потом и вовсе останавливается. Поэтому нужны новые перспективы – ближние, средние, отдаленные во времени. Об этом я говорил с учителями на очередном педагогическом совете.

Приближалась весна. Мы ожидали рождения второго ребенка. Надо было подумать о Барсе, которого держать в квартире после прибавления в семье, станет сложно. Пришлось отдать нашего друга Николаю Федоровичу Минакову, завучу по учебной работе, который жил в селе недалеко от Новой Усмани в своем доме. Отвел Барса на новое место жительства, пристегнул на цепь... Прости, Барс, иначе я не мог поступить.

Вскоре меня включили в состав межрайонной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР, заседание которой должно было состояться 13 июня 1966 года в г. Анна Воронежской области. Приехав туда, встретился с Иваном Федоровичем Подгузовым, первым секретарем Анненского райкома КПСС, с которым был хорошо знаком по совместной работе в Рамо-ни.

Он пригласил меня на работу в свой район, но я своеобразно отказался, сказав ему:

– Хрен редьки не слаще!

– И то правда, – усмехнулся Иван Федорович.

Вернувшись в тот же день домой, я узнал, что у меня родилась дочь Лена – Аленка, как попросил назвать внучку мой отец.

К тому времени мы подружились с семьей Дунаевых. Владимир Стефанович – начальник районного отдела внутренних дел, подполковник милиции, участник Великой Отечественной войны, его жена, Мария Степановна – учительница географии, их дочь Светлана, ученица 9 класса – они стали нашими близкими друзьями, и мы поддерживаем отношения до сих пор. Вот только Владимир Стефанович уже ушел из жизни. Дочь Светлана стала учителем русского языка и литературы и всю жизнь проработала в Новоусманской средней школе. Сейчас она уже на пенсии, а ее сын, Владимир, названный в честь деда – офицер МЧС.

Но до этого было еще далеко. С Владимиром Стефановичем мы каждое утро ходили купаться на речку и почти всегда брали с собой моего сына Женю. Купаться начинали в апреле, когда температура воды не превышала 8 градусов, а заканчивали купальный сезон, когда Усманка замерзала. Окружающие смотрели на нас с ужасом, тогда о моржевании на селе еще не знали.

После выхода на пенсию Владимир Стефанович обосновался в доме своего отца в с. Владимировка Старооскольского района Белгородской области, а в Новую Усмань уезжал только зимовать. Я неоднократно навещал его, уже работая в Белгородском пединституте, и всегда поражался его энергии и оптимизму – он держал пасеку, разводил птицу и всегда занимал, как теперь говорят, активную жизненную позицию.

Как-то возвращаюсь с работы, а сын, которому только исполнилось 8 лет, говорит:

– Я поступил учиться в музыкальную школу!

Оказывается, они с соседским мальчишкой Сергеем сами пошли и записались, наш – на фортепиано, а Сергей решил стать баянистом. Для нас это было неожиданностью, мы на музыкальных инструментах не играли. Правда, Оля хорошо пела, а ее старший брат, Владимир Николаевич Гребенников – директор одного из крупнейших лесхозов Новосибирской области – прекрасно играл на аккордеоне и гитаре, не пропускал ни одной новой постановки в оперетте, когда учился в Воронежском лесотехническом институте.

Через несколько недель сын стал одолевать нас просьбами о покупке фортепиано для домашних занятий, демонстрируя пальцами на столе свою виртуозную игру. Пришлось брать кредит и идти в районный универмаг. Продавщица отговаривала мою жену от такой, на ее взгляд, бесполезной покупки, предлагая купить мутоновую шубу. Однако пианино мы купили.

К сожалению, учеба сына в музыкальной школе не заладилась. То ли усидчивости не было, то ли с педагогом не повезло, но через год с небольшим с музыкой он расстался, хотя позже он жалел об этом и упрекал нас, что не заставили учиться. Потом на этом пианино училась играть дочь. Она закончила

музыкальную школу, но сейчас к пианино уже не подходит. Так оно и стоит одиноко в нашей квартире до сих пор. В то время многие родители стремились обучить детей игре на музыкальных инструментах, не вникая особо в их собственные потребности и интересы.

Наступила осень. В областной газете был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников сельского хозяйства. Этим Указом наша ученица Боброва Тамара, бригадир ученической производственной бригады, была награждена медалью «За трудовое отличие». Радостная весть мигом облетела все село. Никогда в Воронежской области не было такого случая, чтобы школьницу наградили государственной наградой за трудовые успехи. После получения Тамарой награды (медаль ей вручал первый секретарь обкома КПСС) в школе провели митинг, на который собрались руководители района и хозяйствующих субъектов. Участникам бригады вручили ценные подарки и почетные грамоты, но в центре внимания была, конечно, Тамара с медалью на груди. Ребята с завистью смотрели на нее.

Все произошедшие события приводили меня к мысли о том, что экспериментальная часть моей диссертационной работы подходит к концу. Выдвинутая гипотеза о роли перспективы в нравственном воспитании личности полностью подтвердилась. Старшеклассники настолько выросли в своем нравственном развитии, что я мог просто им сказать: «Надо!», и они стали бы выполнять любую работу.

На заседании комитета комсомола было решено, что учащиеся, отличившиеся при строительстве спортивного зала, поедут в Москву, в Лужники. Под руководством мастера некоторые ребята даже профессионально освоили кладку стен, а не только выполняли массу подсобных работ. В работе иногда принимали участие и я, и многие учителя. Не наблюдать, не руководить со стороны, а непосредственно участвовать с ребятами в совместной деятельности – это всегда было для меня законом.

ГЛАВА 7. ЗАЩИТА

Как любил говорить мой научный руководитель К.И. Васильев, для написания диссертации нужна не светлая голова, а железный зад, имея в виду усидчивость соискателя. Если с практикой у меня было все в порядке, то теорию надо было почитать. С необходимой научной литературой в то время можно было ознакомиться или в библиотеке им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека), или в библиотеке им. К.Д. Ушинского, которые находились в Москве.

Пришлось просить у руководства учебный отпуск и отправляться в столицу. В библиотеках было столько читателей, что приходилось приходить рано утром, чтобы занять место. Конспектировал литературу, с особенным интересом читал современные диссертационные исследования по педагогике. В Москве пришлось провести около трех недель, но польза от этого была несомненной.

Исследовав внутренний механизм перехода от близкой перспективы к более далекой, я пришел к выводу, что психологическим мостиком к осуществлению новой намеченной перспективы является успех. Именно успех в деятельности рассматривался мной как достижение близкой перспективы и переход к более далекой – залог плодотворной работы по воспитанию у школьников коммунистического отношения к труду.

Сегодня можно скептически относиться к термину «коммунистическое отношение к труду», но что оно означает по сути? В первую очередь, это ответственное отношение к деятельности, наполненное нравственным смысловым содержанием. Ничего плохого в этом нет, и здорово пригодились бы сегодня, когда в обществе напрочь отсутствует, какая бы то ни было, национальная идея, а самыми привлекательными телевизионными образами стали физиономии лавочников и воров.

Высоко оценивая преимущества свободного рынка и демократических устоев, нельзя забывать, что формирование гражданского общества, реальной

демократии, создание правового государства подразумевают господство права, Конституции и закона. Сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием.

Проводя педагогический эксперимент, мы понимали, что чем больше ситуаций нравственного выбора будет заложено в системе деятельности школы, тем в большей степени будет проходить нравственное обогащение каждой личности. Поэтому при каждом удобном случае аналогичные ситуации мы пытались создавать. Воспитание никогда не будет эффективным, если оно организовано на основе набора дежурных мероприятий, к которым учащиеся имеют косвенное отношение, хотя и являются их участниками. Должен достигаться определенный уровень субъективации нравственных ценностей, который определяется развитостью общества, самосознанием учащихся, их внутренней социальной позицией. Зависимость уровня субъективации от состояния общества обусловлена тем, что установление ценности общественного явления осуществляется в процессе его оценки личностью.

Ценность становится таковой лишь после превращения в убеждения личности, перехода в ее эмоциональный потенциал. Понятие ценностной ориентации некоторые исследователи отождествляют с понятием установки, что нельзя поддержать в полной мере. Вместе с тем, не подлежит сомнению взаимосвязь установки и ценностной ориентации, что обусловлено воздействием ориентаций на все стороны человеческой психики: от познавательной деятельности до мотивации каждого из поступков личности.

Очерчивая взаимосвязь мотива и деятельности, А. Н. Леонтьев пришел к выводу о раздвоении функций мотивов, которое «возникает вследствие того, что деятельность необходимо становится полимотивированной, т.е. одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам». Он показал, что одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл

(смыслообразующие мотивы), а другие выполняют только роль побудительных факторов (мотивы-стимулы)⁴.

В своих теоретических исследованиях А. Н. Леонтьев делает акцент на предметном содержании мотивации, понимании мотива как предмета потребности. Мотив определяется как материальный или идеальный объект, в котором находит свое конкретное выражение потребность личности. Мотивом деятельности, выступающим в побудительной функции и задающим направленность этой деятельности, является объект, высший по отношению к субъекту.

В процессе нравственного воспитания в качестве внешнего фактора, воздействующего на интересы ученика и направляющего его на достижение позитивных целей, выступает нравственный стимул, а соответствующая мотивация построена на основе привлекательного имиджа благоприятных последствий. Понимание мотивации как предмета раскрывается в общем контексте версии о предметности как исторически фиксированной функции. Предметная сфера, в которой живет и действует человек, рассматривается не как совокупность физических объектов, существующих безотносительно к субъекту, а как мир предметов человеческой деятельности, проявляющих себя через призму их восприятия субъектом.

Деятельность в отечественной науке имеет широкую трактовку как динамическая система взаимосвязи субъекта с миром и включает такие формы, как предметно-практическая (по производству материального продукта); теоретическо-мыслительная (оперирующая идеальными конструкциями, моделирующими мир); идеологическая (связанная с рефлексией, выделением целевых ориентиров и т.д.).

Современная концепция человеческой деятельности сформулирована на основе работ П.К. Анохина, А.Г. Асмолова, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна⁵.

⁴ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

⁵ См. напр.: Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. – М.: Наука, 1980.; Асмолов А. Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М., 1973.

По данным многочисленных исследований, проведенных в нашей стране и за рубежом (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Ж. Пиаже, В.Э. Чудновский и др.)⁶, мотивационно-потребностная сфера личности имеет иерархическую структуру, заключающуюся в том, что одни мотивы занимают доминирующее положение, а другие подчиненное. В зависимости от этого определяется направленность личности.

Одновременно индивидуальное самосознание воспитанника выступает фактором саморегуляции, самоконтроля и сознательного развития творческих сил личности. По мнению А.В. Мудрика, «самосознание влияет на оптимальность, интенсивность, направленность и объективность самооценки творческой активности индивида»⁷.

Основным внутренним критерием личности в реализации жизненных установок в управленческом процессе является ее социально-нравственная активность.

К.А. Абульханова-Славская в качестве критериев проявления активности рассматривает соотношение в поведении и деятельности инициативы и ответственности, полагая, что «личностью осуществляется индивидуальный способ реализации своей активности, при котором происходит распределение инициативы (во времени, в способе жизни и т.д.)»⁸.

Осознание целей своей деятельности, активно-положительное отношение к ней способствуют актуализации личностных качеств учащихся, создают условия для самосовершенствования и самоутверждения.

В то же время педагогу нельзя не учитывать и психические особенности ученика, его склонности, способности, характер, темперамент, которые играют немаловажную роль в целеполагании деятельности. В свою очередь, формирование потребностей и психического склада учащихся обусловлено природными данными, влиянием индивидуальной и социальной среды.

⁶ См: Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968.; Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб., 1999.

⁷ Мудрик А. В. Личностный подход в воспитании // Магистр. – 1991. – Август. – С. 128.

⁸ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991. – С. 247.

При организации всех видов учебной деятельности я акцентировал внимание, прежде всего, на труде, который должен занимать ведущее место в ученическом коллективе. Это не просто трансляция знаний, а организация такой интеллектуальной деятельности, которая способствует духовной общности учителей и учащихся, вызывает определенные чувства, инициированные умственным напряжением и радостью успеха в работе.

Фундаментом совместной деятельности педагогического коллектива и учащихся является взаимное доверие в рамках справедливого социального обмена, повышение результативности управления путем гибкого применения механизма оценки результатов воспитательной деятельности. Высшая компетентность учителя при этом состоит в осознании границ своих полномочий в воспитательном пространстве и степени влияния на учащихся на уровне стабильных партнерских отношений с ними.

Спецификой причинно-следственных связей в управляемых объектах является их вероятностный характер. Постепенное накопление соответствующих знаний позволяет со временем все более точно предполагать возникновение и развитие кризисной ситуации, повышать точность и эффективность управленческих методов по ее предупреждению или локализации. Это связано с тем, что большинство новых фактов является закономерным следствием предыдущих и наступает с большей или меньшей степенью вероятности, которую можно определить достаточно своевременно и надежно, стремясь воссоздать логику связи событий.

В процессе управления деятельность человеческого разума, прежде всего, заключается в анализе событий, происходящих в окружающей реальности. Думать – означает наблюдать, обращать внимание, иметь в виду, принимать меры, вырабатывать стратегию предстоящего поведения, определяя приоритетные направления конкретных действий. Мышление без выделения приоритетов – рутинное мышление. Мышление, которое не обладает оценочной способностью, является до известной степени неполноценным.

Воспитание предполагает проектирование целостного процесса управления, а в его исполнительной части – приведение движущих сил развития личности. Одновременно оно включает в себя и корректировку поведения учащихся, что обеспечивает единство объективного и субъективного в процессе управления.

Для повышения эффективности воспитания очень важны средства интеграции, под которой подразумевается процесс достижения единства усилий педагогического коллектива для реализации его задач и целей. Важнейшее условие обеспечения эффективности – это единство целей. Разработка целей также входит в ценностное содержание управления процессом воспитания. Современная наука выдвигает цели на одно из первых мест по значимости.

Непременным исходным условием обеспечения конструктивности процесса воспитания является технология постановки целей, которая предполагает их формулировку через результаты управления, выраженные в действиях, прогнозируемых, осознаваемых и определяемых с достаточной степенью надежности.

Пониманию смыслового значения и утилитарной целесообразности другого подхода к формированию нравственных ценностей, часто применяемого в западной педагогике, способствует понятие диффузности, характерное для теории социального обмена. Диффузность означает отсутствие жесткой детерминации как по срокам, так и по формам вознаграждения за добровольно, а часто и инициативно оказанные человеком услуги в надежде на адекватную реакцию других лиц.

По мнению П. Блау, социальный обмен «вовлекает факторы, создающие диффузные будущие обязательства, не специфизированные четко, при которых природа возврата не может оговариваться, но по большей части оставлена на усмотрение того, кто его осуществляет»⁹.

Природа вознаграждения неизменно не оговаривается заранее, не может быть предметом взаимодействия. Осуждение поспешной взаимности стимули-

⁹ Blau P. Exchange and Power in Social Life. – N.Y.: Wiley, 1986. – P.IX. – P. 38.

рует рост доверия за счет того, что учащиеся и педагоги остаются под действием обязательств друг перед другом на протяжении длительного периода, чем сохраняется их определенная лояльность друг к другу и создаются предпосылки для повышения уровня социально-нравственной активности всего коллектива школы.

Я пришел к выводу, что воспитательная система школы включает в себя ряд признаков:

– наличие в школе концепции воспитания, отражающей концепцию воспитания федерального уровня и в то же время учитывающей свои специфические условия жизнедеятельности;

– психолого-нравственный климат коллектива учителей и учащихся, ориентированный на общечеловеческие ценности;

– наличие больших и малых перспективных дел, интегрирующих в себе устремления коллектива учителей и учащихся на их приближение и реализацию;

– взаимодействие школы и социальной среды, их органическая включенность в совместную деятельность, направленную на выполнение задач воспитания.

На основе накопленного опыта я стал публиковать научные статьи. Первая опубликованная работа вышла в «Известиях Воронежского государственного педагогического института» в 1966 году и называлась «Перспектива в воспитании у школьников коммунистического отношения к труду».

В 1967 году в помощь классным руководителям и директорам школ я разработал и опубликовал «Методику организации и выдвижения перспектив в целях воспитания у школьников коммунистического отношения к труду». Директор типографии подарил мне на память слиток металлических букв из набора книги. Оля даже заплакала, увидев мой первый серьезный научный труд, а буквы те до сих пор хранятся у меня.

В этом же году диссертация была окончена. Диссертационный совет по педагогическим наукам находился в Воронежском государственном универси-

тете. Научный руководитель К.И. Васильев одобрил мой труд и подписал ходатайство в университет для принятия диссертации к защите.

Кафедрой педагогики и психологии в Воронежском университете заведовал известный ученый, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Сергей Васильевич Иванов. Ему было уже 77 лет. Он имел два присутственных дня в неделю, плохо передвигался и на работу добирался на такси. На кафедру его заводили под руки. Профессоров тогда было совсем мало, и их очень ценили.

С.В. Иванов тепло принял меня, расспросил о работе в сельских школах и предложил оставить диссертацию, пообещав недели через две ее прочитать. Действительно, через две недели мне позвонили с кафедры и пригласили в обозначенное время прибыть на встречу с заведующим кафедрой.

Сергей Васильевич встретил меня доброжелательно и сказал, что в целом одобряет мою диссертацию, однако у него имеется ряд замечаний, которые желательно устранить. Свои предложения он изложил по тексту работы карандашом. Дома я внимательно прочитал замечания профессора и не увидел в них ничего, на мой взгляд, существенного. Поэтому особенно переделывать не стал, так как перепечатывать страницы текста мне просто было жаль, это в те времена было большой проблемой.

Для наглядности я нарисовал синусоиду, на которой отразил этапы нравственного продвижения школьников, благодаря перспективе. Графики и диаграммы только-только начали входить в моду в гуманитарных научных исследованиях и должны были убеждать в реальности проведенного педагогического эксперимента. Если откровенно, то я и сейчас, на основе многолетнего опыта руководства научной работой педагогического института, а затем и университета, сомневаюсь в их необходимости и объективности всех этих часто надуманных процедур.

Вскоре я вновь отнес «доработанную» диссертацию профессору.

– Ну вот, батенька, совсем другое дело, – оживился Сергей Васильевич.
– Сразу видно, что Вы всерьез поработали над моими замечаниями. Будем представлять диссертацию к защите!

Уже через неделю состоялось заседание кафедры, на котором я докладывал основные положения диссертации. На этом же заседании она была рекомендована к защите. Сергей Васильевич сам решил выступить в качестве первого официального оппонента, а вторым оппонентом был приглашен доцент Павел Алексеевич Просецкий. В качестве ведущей организации (тогда ее принято было называть внешним учреждением) был определен Научно-исследовательский институт теории и истории педагогики Академии педагогических наук СССР. Защиту назначили на октябрь 1967 г.

Надо было ехать в Москву. Обязанности директора НИИ исполнял известный педагог Иван Сергеевич Марьенко. Я передал ему привет от С.В. Иванова и вручил ему диссертацию с направлением диссертационного совета на внешний отзыв. Иван Сергеевич куда-то очень спешил, но уделил мне время, пообещав в течение нескольких дней прочитать рукопись и подготовить отзыв. И действительно, в назначенное время отзыв был готов.

– Материал интересный и нужный, – сказал Марьенко, – сразу видно, что Вы прямо из школы, а не кабинетный ученый. Мы это приветствуем!

В день защиты 10 октября 1967 г. внезапно заболел Сергей Васильевич Иванов, и я начал тревожиться, что он не придет на заседание диссертационного совета. Но это был мужественный и очень ответственный человек, несмотря на преклонный возраст. Он развеял мои опасения и не только пришел, но и блестяще выступил с подробным анализом моей работы, за что я и сейчас ему благодарен. Большое впечатление на членов совета произвел и отзыв авторитетного академического НИИ. Защита прошла успешно, все члены совета проголосовали за присуждение мне ученой степени кандидата педагогических наук.

Хочется обратить внимание молодого поколения ученых, что в те годы никаких подарков, тем более в денежном эквиваленте, никому не делали – ни

научному руководителю, ни оппонентам. Это и в голову не могло придти! Просто слова благодарности. А уж о том, чтобы заниматься производством фиктивных диссертаций, вносить в них ложные сведения о публикациях и прикладывать подложные отзывы, как это выяснилось в феврале 2013 г. в одном из московских вузов, тогда не могли и подумать!

Не тот мир стал – он словно перевернулся! Защита кандидатской диссертации, не говоря уже о докторской, была событием. Я, например, стал вторым кандидатом наук в Воронежской области среди учительской братии. А сейчас диссертации, как блины пекутся. В этом я полностью согласен с той оценкой, которую дали руководители страны получившим огласку позорным фактам, упомянутым мной выше.

В 1967 году мой оппонент Сергей Васильевич Иванов был единственным доктором педагогических наук во всем Центральном Черноземье. А сегодня только на кафедре педагогики НИУ «БелГУ», где я проработал более 40 лет, целых семь докторов! Впрочем, я не говорю, что это плохо. Просто было другое время, иной доступ к информационному пространству, отсутствовали современные возможности освоения накопленного по теме материала и т. д.

В школе меня встретили радостно. В фойе по инициативе моих заместителей вывесили плакат с поздравлениями. По телефону поздравил и председатель райисполкома Павел Григорьевич Исаенко, который еще недавно чуть было не сорвал нам праздничное мероприятие.

В конце декабря 1967 г. я получил открытку, точно такую же, как присылают и сейчас, о том, что Президиум Высшей аттестационной комиссии 20 декабря 1967 г., протокол № 12371 К, разрешил выдать мне диплом кандидата педагогических наук.

Когда я пришел в районный отдел образования с этим дипломом, заведующий районо И.В. Курилов засмеялся:

– Тебе теперь большая прибавка к зарплате – целых 10 рублей в месяц!

ГЛАВА 7. ПРОЩАЙ, ШКОЛА!

Через некоторое время меня пригласили на беседу в Воронежский областной комитет КПСС. Беседовал со мной заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений и после недолгих расспросов о жизни предложил перейти на должность инструктора обкома.

Я ответил, что предложение заманчивое, но есть два момента – вопрос с жильем и предоставление возможности преподавать по-совместительству в вузе, иначе, зачем было защищать диссертацию? Мой собеседник сказал, что на эти вопросы у него нет полномочий отвечать.

На этом и расстались, а вскоре позвал меня уже его начальник, хорошо знакомый мне прежний заведующий облоно А.П. Костин, который теперь руководил отделом науки и учебных заведений обкома.

– Чего ты упорствуешь? – спросил он меня. – Это я решил тебя рекомендовать в обком. Работа почетная и ответственная, и на должности инструктора ты, думаю, долго не засидишься! А поставленные тобой вопросы будут решать выше.

В Новой Усмани, узнав, что меня приглашали на беседу в обком, местные начальники сразу стали здороваться со мной почтительно – на всякий случай. А меня тем временем пригласил уже секретарь обкома по идеологической работе, очень большой начальник в те годы.

– Ну, что? Работать в обкоме будем? – сразу начал он.

– Если партия прикажет, работать буду. Но меня не очень прельщают постоянные командировки обкомовских инструкторов по районам для подготовки различных отчетов и справок. Я этим заниматься не люблю. Хотел бы иметь возможность совмещать должность с работой в вузе, да и с жильем нет ясности.

– Дом для работников обкома партии через полгода сдается в эксплуатацию на проспекте Революции, а совместительство у нас не приветствуется, – довольно холодно подвел итоги нашей беседы секретарь, которому, видимо,

не по чину было меня уговаривать. Больше в партийные органы меня не приглашали, но об этом я никогда не пожалел.

28 апреля 1968 года неожиданно получил поздравительную открытку с праздником Первомая (так назывался день международной солидарности трудящихся) из Воронежа от профессора С.В. Иванова. Мне было очень приятно, что известный российский педагог вспомнил обо мне и воспринимал как своего коллегу – ученого. К сожалению, совсем скоро, 15 октября его не стало.

В разгар наших школьных дел позвонил мне П.Г. Исаенко:

– Тонков, Тонков, – раздался из трубки звучный голос председателя райисполкома, – не пора ли нам спилить деревья вокруг школы? Они уже отжили свой век, воронье на них гнездится, мусорит, гадит – живем как в глухой деревне! А вместо них можно будет посадить молодые деревья!

– Только после меня, – ответил я ему. – Общественное мнение вряд ли станет приветствовать такое решение. Вначале надо посадить новые деревья, чтобы они подросли, а затем уже выборочно убирать постепенно старые.

На этом наш разговор закончился. Оказалось, когда супруги Исаенко по обыкновению прогуливались вокруг школы, ворона нагадила на шляпу чиновника, чем была и вызвана его инициатива. Впрочем, через некоторое время, когда я уехал на работу в Белгород, реликтовые деревья все-таки спилили.

Моя решительность в разговоре с начальством подкреплялась созревшим решением об отъезде из Новой Усмани, так как хотелось работать в вузе. В то время в «Учительской газете» печатались объявления о конкурсах на замещение должностей профессорско-преподавательского состава в педвузах всего Союза ССР. Из многочисленных объявлений мне приглянулись должности старшего преподавателя в Белгородском и Борисоглебском педагогических институтах. Меня, в первую очередь, интересовало решение жилищной проблемы, т. к. получить квартиру в Воронеже представлялось маловероятным.

Вначале я поехал в Борисоглебск – он ближе, в Воронежской области. Небольшой провинциальный городок, с красивым парком, драматическим те-

атром. В педагогическом институте, который находился в здании бывшей гимназии, было два факультета – физико-математический и филологический. В этом же городе располагалось знаменитое летное училище.

Директор института встретил меня дружелюбно. Преподавателей с ученой степенью в вузе было немного. Возникла практически не решаемая проблема с жильем – строительство в городе не велось. Директор пообещал временно предоставить две комнаты в общежитии, но по его глазам я понял, что это временное жилье легко перерастет в постоянное.

Белгород выгодно отличался от Борисоглебска – областной центр, развитая промышленность, активное строительство. В пединституте пять факультетов. Квартиру обещали в течение полугода. Я отправил документы по почте на конкурс, даже не выезжая в Белгород, и продолжал работать в школе.

Одиннадцать выпускников были представлены к награждению золотыми и серебряными медалями. Медалисты и ребята, отличившиеся на строительстве спортивного зала, поехали на экскурсию в Москву.

В июле 1968 года я получил письмо из Белгородского педагогического института, в котором сообщалось, что я принят по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры педагогики и психологии. Узнав о моем решении, П.Г. Исаенко стал меня отговаривать:

– Зачем тебе это надо? Ты хорошо подумал? Здесь ты на виду, пользуешься авторитетом, все тебя знают, директор головной школы района. А там ты будешь обычным преподавателем, которых десятки, если не сотни!

– Для начала преподавателем, а потом и доцентом, – отвечал я. – Квартиру обещают через полгода. А здесь, хотя и с авторитетом, хожу в туалет на улицу звезды считать.

На этом мы и распрощались. Сейчас, когда после этого разговора прошло почти сорок пять лет, и настала пора подводить итоги, я все чаще думаю, что, может быть, Павел Григорьевич был и прав.

25 августа я сдал Новоусманскую среднюю школу и впервые поехал в Белгород. Поездка на рейсовом автобусе заняла около шести часов. Белгород

мне сразу понравился – ухоженный, зеленый город. Добрался до педагогического института, здание которого располагалось на улице им. Жданова (теперь Студенческая). В приемной ректора, к своему удивлению, познакомился с Иваном Павловичем Прокопьевым, кандидатом педагогических наук, на работы которого я ссылался в своей диссертации (он разрабатывал интересную проблему воспитания на отрицательных примерах). Оказалось, что он недавно переехал из Чебоксар и исполняет обязанности ответственного секретаря приемной комиссии (тогда я еще не знал, что уже на следующий год эту работу стану выполнять я). Пройдут годы, и Иван Павлович станет известным ученым-педагогом, первым на Белгородчине защитит докторскую диссертацию по педагогике, будет заведовать кафедрой.

В приемной находилась и начальник учебной части института Прасковья Ивановна Ткачева. Я представился и рассказал о цели своего приезда секретарю ректора – солидной белокурой женщине Надежде Васильевне Бардыковой. Она доложила обо мне ректору Дмитрию Михайловичу Забродину. Дмитрий Михайлович был крупным организатором педагогического образования. Через полгода его назначили начальником Главного управления высших и средних учебных заведений, а вскоре и заместителем министра просвещения России.

Дмитрий Михайлович подробно рассказал мне о вузе и его перспективах, о своих намерениях привлекать высококвалифицированные кадры.

– Правда, ни одного доктора наук в вузе пока нет, – с досадой сказал он. – Квартиру получите через четыре месяца в новом доме на улице Некрасова, а пока придется пожить в студенческом общежитии на улице Коммунистической (сегодня на этом месте находится преподавательский дом университета – ул. Преображенская, 78-б).

– Нельзя ли мне выделить отдельную комнату? – поинтересовался я. – Хочу сразу перевезти семью.

Оказалось, что это возможно. Пообещав через два дня быть на работе, я отправился к коменданту за ключами. На выходе встретил невысокого брюне-

та с черными, как смоль, волнистыми волосами. По описанию, данному мне ранее И.П. Прокопьевым, я догадался, что это заведующий кафедрой педагогики И.И. Августевич.

– Вы Илья Иосифович? – спросил я.

– Естественно, – удивился он вопросу незнакомого человека.

Я представился. Он улыбнулся и пригласил зайти на кафедру.

– Извините, я спешу, буду через пару дней, – вынужден был отказаться я, так как торопился на автобус в Воронеж.

Впереди нам с Ильей Иосифовичем предстояло длительное научное сотрудничество, особенно по проблеме организации и развития школ-комплексов на Белгородчине.

Вернувшись в Новую Усмань, сразу приступил к организации отъезда. Дарили соседям комнатные цветы, разную утварь, кое-что из вещей пришлось продавать быстро, а значит, дешево. На следующий день мы уже грузили свое небогатое имущество и книги, которые составляли его большую часть, в грузовой ЗИЛ-150. Пришел школьный художник – выпускник Пензенского художественного училища – и подарил портрет выдающегося педагога К.Д. Ушинского. Этот портрет стал моим талисманом и всегда украшал мой кабинет на протяжении почти 45 лет работы в вузе. Он и теперь со мной, в моем домашнем кабинете.

После окончания погрузки нас пригласил к себе домой учитель пения Владимир Максимович Нефедов. У него во дворе собрались провожать нас человек тридцать учителей. Был накрыт стол с нехитрой снедью. Прощание было трогательным и грустным. От имени коллектива с заключительным словом выступил ветеран войны, учитель физкультуры Василий Федорович Березкин. Вспоминаю его речь и до сих пор не могу сдержать волнения.

– Нам очень жаль, что Вы покидаете нас. Такого директора у нас никогда не было и вряд ли будет. Без Вас мы просто осиротели. Доброго Вам пути!

Оля с детьми села в кабину, я запрыгнул в кузов, и машина тронулась. На дороге стояли учителя и махали нам вслед. Многие плакали. Так закончи-

лась моя школьная эпопея. Но моя связь с Новоусманской школой, ставшей мне родной, не прервалась.

Работая в Белгороде, в 1968 году получил ко Дню учителя от выпускников телеграмму, которая пришла на кафедру педагогики: «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени. Галя, Светлана».

Одна из этих девочек – Галя Золотарева, а теперь Галина Ивановна Орловцева, вот уже более 10 лет возглавляет Новоусманский лицей, созданный на базе средней школы, а значит, дело мое живет!

ЭПИЛОГ

Восемьдесят лет – много это или мало? Мне до сих пор кажется, что мало, хотя за плечами – пятьдесят пять лет педагогической деятельности. Молодым людям, да и не очень молодым, вероятно, думается, что это даже слишком много, и они считают меня человеком другой эпохи. В чем-то правы и они, но правда, как всегда, посередине.

Мы жили в другой стране, и я горжусь тем, что моя трудовая биография пришлась, в основном, на век двадцатый – насколько трагический, настолько же и героический.

Долголетие – категория относительная. В семьдесят девять лет я ушел с работы и сейчас, когда впервые за долгие годы появилось свободное время, и я не занят никакими производственными и научными делами, с особой ясностью предстают передо мной первые вехи моей взрослой жизни. Отчетливо, с мельчайшими подробностями вижу события полувековой давности.

Я всегда считал, что обучение – это часть воспитания. Можно научить решать задачи, писать диктанты, пересказывать тексты, но воспитание – это не только слово и не столько слово. Это комплекс всех влияний на личность и деятельность самой личности.

Наше образование, как гоголевская птица-тройка, мчится вслепую вперед, и никто его не остановит. Новации нынешних реформаторов я не принимаю или просто не понимаю. Какова их конечная цель? Что позитивного они могут дать для образования? Нельзя забывать, что образование – это зеркало общества. Хаос в образовании отражает хаотическое состояние современного состояния нашего социума. Править человеком стала не мораль, а деньги, которые нивелировали все святое, что было в России.

Да, материально жить мы стали лучше, но это материальное поглотило почти все духовное! Исчезла нравственность в том смысле, в котором мы ее понимали. Она оказалась не востребованной.

Скоропалительно разломав крепкую систему советского образования, нынешнее реформированное образование выживает только за счет обломков прежнего опыта своих предшественников. В мутной воде инноваций и модернизаций не потерять бы ребенка! Какое общество – такое и воспитание.

С этим вряд ли кто поспорит.

«Человек воспитывается на каждом квадратном метре земли», – говорил А.С. Макаренко. Где же сегодня эти квадратные метры, на которых можно воспитывать? Наша педагогика сформировалась на идеях Песталоцци, Ушинского, Сухомлинского, которые тоже сегодня забыты.

В организации образования мы часто бездумно торопимся принять за образец западные новации, стремимся слепо копировать чуждый нам по духу опыт без учета российского менталитета.

Поэт Михаил Светлов написал: «Я могу жить без необходимого, но не могу жить без лишнего».

Вот это самое «лишнее», не заключенное в жесткие рамки, служит питательной средой для формирования уникальности российского образования и всегда отличало качество образования нашего человека, наделенного творческим началом.

Еще Константин Дмитриевич Ушинский, портрет которого и медаль его имени я храню как самые дорогие свои реликвии, выступал против подражательства и настаивал, что в основе нового гуманного образования в России должна лежать не универсальная, а родная культура, православная нравственность и наука.

Для меня до сих пор, как молитва, звучат его слова: «Обучение само по себе, вне воспитания, есть бессмыслица, ничего, кроме вреда не приносящая».

Я буду считать свою миссию выполненной, если эту книжку прочтут студенты и учителя, все те, кому не безразлично воспитание наших детей, а значит, и судьба Отечества.